

Мария Старко
• Территория
Невероятностей

Территория. Невероятностей



Мария Старкова
·Территория·
НЕВЕРОЯТНОСТЕЙ
·NIGREDO·

Мария Старко

**Территория
невероятностей. Nigredo**

«Издательские решения»

Старко М.

Территория невероятностей. Nigredo / М. Старко —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745765-5

Все мы знаем, что старинные города Восточной Европы дышат магией. Все мы знаем — но не находим доказательств. Хлое Моргенталь не нужно искать доказательств существования магии. Волшебство вплетено в узор улиц Кракова, города, в котором так хочется потеряться и остаться навсегда. Стремительный сюжет книги похож на снежный вихрь: порыв ветра может сбить вас с ног и заставить влюбиться в эту историю раз и навсегда.

ISBN 978-5-44-745765-5

© Старко М.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава I	9
Глава II	22
Глава III	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Территория невероятностей Nigredo

Мария Старко

Редактор Анастасия Новикова

Иллюстратор Мария Старко

Иллюстратор Марина Алеф

Корректор Анастасия Новикова

© Мария Старко, 2018

© Мария Старко, иллюстрации, 2018

© Марина Алеф, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4474-5765-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Предисловие

«Как же все-таки называется эта книга?» – спросил бы известный американский математик, пианист, логик и фокусник, автор ряда книг по занимательной математике. «Unwonderland». С «Wonderland» все понятно: «Страна Чудес». А, вот, предлог... Не совсем «в...», не совсем «под...», не совсем «внутри...». И, одновременно, все это вместе.

Где эта «страна чудес»? Внутри героини? В магическом мире-отражении? В реальной Восточной Европе, мире малоизученном и, откровенно говоря, неправдоподобным? Или везде и нигде?

Ссылка на тексты Л. Кэрролла и Х. Мураками с его «Страной Чудес без тормозов» обманывают. Героиня романа М. Старко ничем не напоминает Алису, да и эстетика повествования совершенно другая. Сказки Л. Кэрролла неразрывно связаны с Англией, с английской игрой слов и поэзией нонсенса, с традициями и обычаями Острова. Великобритания и, особенно, Ирландия – территории, издавна обжитые волшебной сказкой. В конце концов «Смерть Артура», созданная Т. Мэллори в середине XV столетия, скорее, одна из вершин, чем начало английской сказочно-фэнтэзийной традиции, и магический Лондон известен нам ничуть не хуже Лондона «всамделишного». Да и в каком из них жил вполне себе реальный Джон Ди с его антрацитовым рефлексивным зеркалом? Но Островах грань между действительностью и выдумкой размыта и, до какой-то степени давно превратилась в грань между технологией и магией.

«– Почему вы никогда не пользуетесь самолетом? \ – Мне страшно даже подумать, магия какой силы держит эту штуку в воздухе...»

Магическая Америка – другая. Магия была в эту землю привнесена, причем – именно из Англии, но изменилась неузнаваемо, породив не только магический Нью-Йорк и кучу очень современных индустриальных и даже постиндустриальных легенд, иногда, излишне правдоподобных, но и целые магические штаты вроде Лавкрафтского Род-Айленда или Массачусетса. Америка глобальна, и ее магия тяготеет к глобальности, в отличие от подчеркнуто домашней британской или японской магии или специфически городской магии Санкт-Петербурга.

Роман М. Старко интересен уже тем, что рисует новую фэнтэзийную провинцию, Восточную Европу. Возможно, книга, наконец, обратит внимание читателя на эти земли, которые привычно рассматриваются, как некоторая «почти пустошь», пространство борьбы русской и западноевропейской культур. А что, разве никому не нужна Трансильвания не стала с легкой руки Брэма Стокера обиталищем вампиров?

Действие романа начинается в Кракове и, в основном, там и происходит, но М. Старко отказалась от заманчивой и легко реализуемой идеи «городской фэнтэзи». Что-то, наверное, было потеряно, зато возник текст, похоже, не имеющий аналогов ни на русском, ни на других языках. Это – первый «европейский», вернее «еэсовский» роман, связанный не с тем или другим национальным государством и его культурой, а с Европейским Союзом, как целым.

Европейский Союз, конечно, находится в серьезном кризисе, но его основополагающая идея интересна и содержательна: империя нового типа, основанная не на завоевании, а на странствии: на четырех свободах перемещения. И этой свободой – реальной и магической, герои пользуются вовсю. Краков. Закопане. Берлин. Хельсинки. Отсылки к Таллинну и Варшаве. А поскольку пока мы имеем дело только с развернутой экспозицией, надо полагать, список будет расширен.

Так что, эстетика Восточной Европы, логика и этика Европейского Союза. И, ведь, в известном смысле в текущей Реальности нет ни этой эстетики, ни этой страннической логики! И то, и другое, творится в романе, а не привносится туда из окружающего мира. «Сделай сам!»

Другая сторона не менее интересна: Мария Старко написала не «Fantasy», а «Science Fantasy», произведение, где магические технологии опираются на соответствующие законы (не знаю чего – ясно, что не природы, и не психики... может быть, Слова?) и ограничены понятными рамками. Технологии эти развиваются. Правда, крайне медленно: «Еще нашим предкам обещали исцеление от всех болезней, заклатья для космических кораблей, магическую антигравитацию и все такое прочее. И где все это?»

А почему медленно? А потому что – Евросоюз. Особый, магический, из параллельного мира, но очень узнаваемый: евробюрократия и еврокомитеты: «...только система комитетов способна сдерживать весь этот хаос».

Современный Евросоюз иногда называют «миром взбесившегося права». В Евросоюзе Марии Старко оно «взбесилось» даже раньше, чем в текущей Реальности. Все-таки, у нас технологии, даже военные, контролируют менее жестко, чем в магию в «Unwonderland»^е! И каков результат? Мы уже вступили в 6-й технологический уклад, а в магическом ЕС решают проблемы перехода от 4-го к 5-му. Смайлик, естественно... Но все-таки, «у нас» атомное оружие – это уже «для папуасов», а «у них» магические бомбы упоминаются с придыханием.

Зато для автора «взбесившееся магическое право» стало настоящей находкой, почти литературным открытием. «Science Fantasy» с подробными описаниями логики заклинаний и их плетений и, едва ли, не химии зелий встречаются относительно часто – стараниями Д.Р.Толкиена, который умудрился написать целую статью об оптических свойствах сильмариллов. А, вот, «Science Fantasy», в которой магические законы вставлены в нормативно-правовое пространство я что-то не вспомню. Между прочим, это дало Марии Старко возможность обрисовать узнаваемый и достраиваемый воображением мир, показав нам, как связаны между собой магический образ жизни, магический образ мысли и магический образ деятельности. Связаны они, само собой, через право, ведь действие происходит в Европейском Союзе.

На этом материале можно было сделать юмористически-сатирический роман. Еще легче было написать фэнтезийный детектив, благо главная героиня, Хлоя, работает в Комитете, хочется сказать Комконе (втором, естественно), да и почти все остальные герои, антагонисты и протагонисты, связаны со структурами «магической безопасности». Но Мария Старко и здесь пошла по необычному пути. В сущности – при всех элементах детектива, авантюрного романа, магического реализма и обыкновенной сказки – перед нами «женский роман».

И дело, конечно, не в том, что повествование ведется от имени женщины и ведется по-женски обстоятельно и неторопливо. Просто, Хлоя, с какими бы магическими, бюрократическими или даже катастрофическими вызовами она не сталкивалась, воспринимает их подчеркнуто лично. Это всегда – ее проблемы, проблемы ее личных друзей, коллег или недругов. События романа разворачиваются в магической Восточной Европе, но сама Хлоя взаимодействует с ней только на уровне эстетики – Краков она любит, к Берлину относится настороженно. Действует она в своем собственном личном пространстве, что особенно заметно в главах о Тени, магической изнанке сущего. Невооруженным глазом видно, что это – ее собственная Тень, и никакой другой она видеть не желает.

Что, может быть, и к лучшему...

Женский роман не может не быть романом о любви, но, как раз, здесь нам, так или иначе, придется ждать продолжения. Роман Хлои с Майло разворачивается медленно, да и мешают ему все, кому не лень, включая магическую катастрофу городского масштаба...

И что же дальше?

Невооруженным глазом видно, что система Комитетов готова развалиться. Все их силы скованы тактическими и техническими проблемами. Все действия регламентированы правовыми нормами: взбесившееся право опасно даже для самого себя, как и вооруженный сумасшедший на улице. Первые же проблемы, связанные с неизбежным в таком мире пробуждением информационных конструкторов или персонифицированных территориальных магий

поставили систему на грань полного разрушения. А, ведь, террористические и «личные» угрозы – это только цветочки. Пятый маготехнологический уклад неизбежен, и это означает, что военные технологии переплетутся с гражданскими в нераспутываемый клубок, а магическим существам станет легче проникать в ткань Реальности, чем ребенку пройти из школы до дома ((с) Ст. Лем). И обязательно вслед за древней магией городов начнет просыпаться магия континентов и самой Земли: «Пх'нглуи мглв'нафх Ктулху Р'льех вгах'нагл фхтагн».

А вслед за Комитетами начнется большой кризис ЕС, и, может быть, анализируя его в магическом мире, мы сможем что-то понять и для Текущей реальности.

И что: все это средствами женского романа?

Будем ждать продолжения...

Литературный критик, теоретик фантастики и альтернативной истории Сергей Переслегин.

Глава I

Рабочий день уже закончился, и в магазине былолюдно. Я стояла в очереди на кассу и бесцельно рассматривала рекламную листовку. Над фотографией безмятежно спящей особы крупным красным шрифтом было набрано: «Коллекционер снов – 2013! Смотрите ваши сны в новом качестве и высоком разрешении!». Далее располагалось подробное описание этого чуда техники, но не успела я прочитывать пары слов, как некто ощутимо отдал мне левую ногу. Я обернулась – рыжая девочка лет десяти стремительным движением засунула себе в карман две крошечные сверкающие бутылочки с магазинной полки и уже собиралась ретироваться к выходу. Но не тут-то было – я схватила ее за капюшон.

– Быстро клади обратно, а не то позову охрану, – предупредила я.

– Отстань, – буркнула девочка, очень точно и болезненно пнула меня в лодыжку и, ни на секунду не растерявшись, побежала мимо касс и охранника прямо к выходу.

Я сунула свою корзину на ленту, закричала что-то невразумительное и погналась за юной воришкой к дверям. Охранник наградил меня недоуменным взглядом – по-моему, он так и не понял, что произошло, ну или решил переложить свои обязанности на мои плечи.

Я увидела нарушительницу сразу же, как выбежала из магазина. Она бросилась налево, во двор. Впереди был тупик – и девочка, обогнув мусорные баки, в два огромных прыжка оказалась на крыльце маленького средиземноморского кафе, видимо, рассчитывая убежать через черный вход. Я побежала вслед за девчонкой, ускоряясь на ходу, и ворвалась в кафе с криком: «Держи ее!». Я бешено лавировала между круглыми столиками, пока здоровенный суровый официант в белом фартуке не схватил воришку за капюшон. Девчонка извивалась и брыкалась. Я достала свою верную шариковую ручку, показала официанту удостоверение и легонько коснулась ладони девочки стержнем. Та немедля затихла и обмякла: глаза закрылись, а дыхание стало глубоким и размеренным. Она уснула.

– Сами вызовете полицию? – спросила я охранника. Тот усадил девчонку на стул и с тяжелым вздохом кивнул:

– Привычное дело. Она что-то стащила из «Глобуса»?

– Ага. Жидкие заклятья из бытового раздела, знаете, которые пьешь и потом можешь сам предметы зачаровывать. Может, мне бы отвернуться и внимания не обратить, но... – я потерла лицо рукой, – Спасибо большое.

Я направилась к выходу. Видимо, это уютное кафе с витающим в воздухе запахом выпечки, белыми скатертями, плетеными креслицами, а главное, отсутствием охраны не раз попадалось на пути воришек из супермаркета «Глобус» и не казалось им серьезным препятствием на пути к свободе. Девчонку мне отчасти было жаль: не скажешь, что это ее первый опыт воровства, но на дитя улиц она ничуть не похожа. Может быть, перепродает бутылочки с заклятьями в школе, а может, вообще страдает kleptomанией.

И, уже стоя на потертом каменном крыльце, поняла, что заклятье сна, которым я воспользовалась, чтобы отключить девчонку, списало последние единицы с моей карточки, о чем чуть запоздало оповестил противным сигналом мой мобильный телефон.

Я перевела дыхание и зашагала по разогретому асфальту в сторону пункта пополнения счета.

Банкомат располагался на первом этаже жилого дома, между двумя забранными ржавыми решетками окнами под нелепым граффити с улиткой, и представлял собой обычный терминал с экранчиком, динамиком и двумя щелями для различных документов, в моем случае – удостоверения и, собственно, карточки.

Удостоверение я носила с собой на ленточке, а ленточку вешала на шею. Само собой, ленточка постоянно путалась то в шарфе, то в ворота куртки – в общем, доставляла массу

хлопот. Зато она была черного цвета с загадными белыми узорами, и мне не хотелось с ней расставаться.

Щель моментально проглотила мое удостоверение. Банкомат издал низкий утробный звук, затем затрещал динамик и раздался противный голос оператора. Я благополучно пропустила всю болтовню до фразы «Желаемая услуга» и прохрипела в микрофон:

– Хочу пополнить счет на карте.

– Вы исчерпали лимит. Рекомендую обратиться в Комитет, – вежливо ответила оператор.

– Эээ... У меня были непредвиденные расходы. Можете посмотреть в отчетах за последний час, – я зажмурилась, непроизвольно запихнула палец в рот и прикусила его. Вероятность того, что полиция уже успела отослать в наш Комитет данные о задержании юной воровки, фантастически мала, но все-таки не нулевая. Почему бы вообще не сделать всю эту систему автоматической? Зачем нужен оператор?..

На том конце провода послышался легкий шум, потом шелест клавиш. Наконец, не скрывая иронии, оператор поинтересовалась:

– Так вы задержали опасного преступника?

Я выдохнула. Воистину волшебная оперативность!

– Можно сказать и так. Все живы и здоровы, физических повреждений нет, помещение ресторана в полном порядке, – сказала я.

В динамике еще помялись и пошуршали чем-то невидимым, но счет на карточке мне все же пополнили.

Я забрала карточку, вынула удостоверение и отправилась домой.

По асфальту тротуара скользили тени деревьев – поднялся легкий ветерок. Мимо неторопливо проплывали машины, откуда-то доносилась медленная грустная песня, сладкая, как шоколадный крем, тающая в вечернем воздухе. Мой город отдыхал, лиричный и безмятежный, спрятав свою тоску и горечь в янтарном прозрачном свете еще не скрывшегося за домами солнца. Старый город в нежном объятии реки, в кольце легенд, в тумане тайн прошлого и надежд будущего. Краков, всем сердцем мной любимый.

Войдя в квартиру, я бросила удостоверение на тумбочку в прихожей и проскользнула по скрипучему паркету на кухню. От прежней хозяйки здесь остались разнообразные медные черпачки и турки, целый сад растений на подоконнике и кривоватая акварелька над столом. В центре потолка подвешена очень красивая люстра: темно-оранжевый абажур с кружевами по краю, мягкий теплый свет рисует узоры на мозаичном полу, оттенки которого напоминают о старинных картах. Грязных и потрепанных пиратами – и не потому, что я не люблю мыть пол!

Я включила чайник и приоткрыла форточку. Окно кухни выходило во двор на крошечную площадку для автомобилей и рядок мусорных баков, аккуратно огороженных с трех сторон пышными зелеными кустами. И вновь у меня не получилось купить ни самоочищающихся тарелок, ни зачарованное зеркало для ванной: вчера провозилась с отчетами до поздней ночи, а сегодня ловила опасную малолетнюю преступницу. Я задрала штанину брюк и обнаружила на лодыжке фиолетово-синий, как экзотический цветок, синяк, да еще и со ссадиной.

Где там мой зачарованный пластырь?..

Перед новым рабочим днем я совершенно не выспалась. Виной всему была огромная коробка конфет, которую я обнаружила в шкафу и не могла от нее оторваться, пока не уничтожила всю шоколадную армию. А ведь когда съешь сладкого, хочется еще и еще.

– Как правильно заряды ставить, показать или помнишь? – я воткнула иглу в шкаф и нарисовала карандашом крестик на полу. Майло, мой напарник, кивнул – мол, понял, в чем я сомневалась: все по сто раз объяснять приходится, достал из сумки свой карандаш, нож и какое-то слабозаряженное металлическое яйцо. Уже давно не видела, чтобы кто-то пользовался таким приспособлением.

– Чье это яйцо? – буркнула я.

– Нашел в Комитете. Не годится? – мрачно спросил коллега.

Я покачала головой:

– Таскаешь с собой лишний вес. Используй артефакты только из инструментов, из того, что держали в руках, причем чем дольше, тем лучше. Сколько раз повторять... – я горько вздохнула.

В качестве артефактов в ход чаще всего идут письменные принадлежности: ручки, карандаши, линейки; то, что применяют в быту: ножи, ложки, вилки; экзотические помощники профессионалов: скальпели, стамески, гаечные ключи. Сильные маги зачаровывают что угодно – от тапочек до собственных носов. Я тысячу раз объясняла напарнику, какие именно предметы больше подходят для нашей работы. Но он с упорством, достойным лучшего применения, продолжал таскать на обходы разный мусор. Может быть, пытался экспериментировать.

Честно говоря, никто толком не знает, как все эти заклятья работают. Да, мы используем формулы, как в физике или химии; считаем единицы энергии по карточке и все такое прочее, но какие именно процессы происходят с нами самими, нашим телом, душой, разумом, окружающим миром – тайна даже для самых сильных магов.

Нам дали возможность, и мы ею пользуемся. Дышим воздухом просто потому, что он есть. И пристально следим друг за другом, иначе мир погрузится в хаос.

– Может, вам чайку налить? – предложила хозяйка. Она нервно теребила полотенце в руках и выглядела расстроенной. Ну, шутка ли, так замусорить квартиру за сутки. Две комнаты были полностью черные, негатив тут был, как паутина – хоть ножом режь. Объяснила хозяйка это все тем, что застукала мужа в объятьях какой-то юной дамы... Короче, обычная бытовая чушь, которая портит людям жизнь.

– Нет, спасибо, тут дел на пять минут. Сочувствую вам, – сухо сказала я.

– Не выпишите направление к энергологу?

– У меня нет таких полномочий, – ответила я, – Мы же только проверяем, как работают установленные заклинания, нет ли конфликтов. Если хотите, можете пригласить врача из районной поликлиники.

Я поглядела на работу Майло – одна из комнат уже была готова. Хорошо справился, не придраться. Вторая комната, спальня, была в ужасном состоянии. Я щелкнула пальцами – высвободился заряд энергии, где-то в Комитете с моей карточки списалось примерно 12–13 единиц. Многовато, придется вечером делать кофе вручную. Вот ведь неудачный день.

– Готово, квартира чистая.

Я сгребла о чем-то крепко задумавшегося Майло, и мы вышли в коридор. Он не тупой и не тормознутый, просто не очень приспособленный к жизни, если можно так выразиться. Приехал из поселка в пятнадцать лет, поступил в Варшавский колледж, проходил практику у одного очень слабого контролера, потом направили ко мне, поскольку у меня ни с кем срабатывать не получалось.

Вообще, проку особенного от Майло не было – слабый маг, не очень сообразителен. Я воспринимала его скорее как телохранителя: огромный, плотный, выражение лица обычно такое, как у пещерных людей в учебнике по биологии... Плюс отвратительные манеры. Все от него шарахаются, хотя, в общем-то, Майло добрый парень и на моей памяти ничего зловредного не совершал.

Единственное, что можно про него вспомнить необычного – у Майло все время потрясающе странные сны. Спит он очень много, по одиннадцать-двенадцать часов. И сны запоминает просто отлично. В них обычно присутствуют перемещения во времени, жестокие убийства, полеты, и все это замешано так, что я просто диву даюсь, как такое помещается в голове у одного человека. Впрочем, мало ли, какая там жизнь была у Майло в деревне. Все эти сны

тщательно записываются в дневник с пестрой обложкой – неизменный спутник коллеги все время, что мы работаем вместе.

– Молодец, хорошо все сделал, – сказала я, застегивая сумку, – осталось еще два этажа, и можно устроить обеденный перерыв. В вашем доме ведь все еще Пол контролер...

– Да, он, – ответил Майло, – Ему меньше приходится вкалывать.

– Может, и нам помогут, поделят контролера хотя бы на пару этажей, – я вздохнула и побрела по лестнице вверх, – Вообще, контролеров в нашем городе маловато. Для города с населением в шестьсот тысяч человек двадцать Комитетов – это мизер. В каждом Комитете по шестьдесят контролеров...

Внезапно Майло остановился, поморщился, ухватился рукой за стену.

– Все нормально?

– Вроде бы, – он посмотрел на меня мутным взглядом, – Хлоя, может, коридор грязный? Я не чувствую...

Я осмотрела серый кафель стен, прикрыла глаза. Грязи не было – никакой негативной энергетики.

– Да нет, все в порядке.

– Тогда несвежий завтрак, – хмыкнул Майло.

– И как у тебя вообще получается перепутать эти ощущения... – я продолжила спускаться по лестнице. – Эй, с тобой точно все нормально?

– Это определенно что-то... магическое, – ответил он, – Но необычное, что ли.

– Может, тебе домой пойти? На что это похоже?

– Как будто кто-то что-то... Хищно ищет, – напарник наморщил лоб.

Мне стало не по себе.

– Давай быстро здесь закончим и пойдем по домам, хорошо? – я похлопала Майло по плечу.

Жил он недалеко от меня. Ему досталась шикарная квартира – просторные комнаты, в гостиной паркетом выложен то ли компас, то ли роза ветров, много антикварной мебели и высоченные потолки. Но Майло из всего этого великолепия ценил только крепкую ванну на львиных лапах и широченную кровать: не чета всему тому, к чему он привык в деревне. Впрочем, все это с его слов – дальше гостиной он меня ни разу не пустил, и мы обычно болтали и сплетничали о работе, сидя на старом продавленном диване прямо под пыльным окном.

Майло в наш Комитет привез Ладислав Новак, сомнолог из Гданьска. По словам Майло, он обратился к нему за помощью, когда сны уж совсем стали надоедать. Тот немного позанимался с парнем и пристроил его на работу к своему другу, моему начальнику Кристофу Пройссу, и мне в напарники, чему я была совершенно не рада. Отношения у нас не складывались. А вот когда Новак зимой приехал навестить подопечного, произошла история, которая нас сблизила.

Дело было так: лютый, противнейший февраль, прилетает на самолете Новак из Берлина, и тут, по законам жанра, работники аэропорта теряют багаж distinguished пожилого господина. Ждали день, ждали два, и вдруг выясняется, что багаж-то не потерян, а кем-то украден прямо в аэропорту. Некий странный мужчина прихватил чемодан Новака вместо собственного. Конечно, Майло вызвался добыть багаж своего чудесного сомнолога самостоятельно, а полиции, мол, спасибо большое, вы и так немало потрудились и все прочее. В общем, мы с Майло собрались и поехали к незнакомцу в горный городок Закопане.

Про само путешествие мне вспомнить нечего, кроме того, что за три часа на старинной машине я замерзла так, как никогда в жизни не мерзла. Хорошо, что хоть водителя, Генриха, нам выдал Комитет – ничто не помешало весело провести время в дороге, распивая вкуснейший ликер. В общем, когда мы нашли похитителя в Закопане, явившись под его дверь, заметен-

ные снегом, замерзшие и не очень трезвые, мужчина был в шоке настолько, что чуть не вызвал полицию, а удостоверения Комитета у нас вырвал и выкинул в сугроб. После ужасных десяти минут объяснений, кто мы такие и откуда, чемодан таки нам выдали, потому как мужчина оказался не коварным похитителем, а просто человеком рассеянным, и все пытался придумать, как бы этот самый чемодан вернуть.

Мы вернулись обратно к машине – и обнаружили Генриха на переднем сидении без сознания.

Что тут началось, вообще вспомнить страшно. Кажется, я сразу решила, что Генрих мертв и уверилась в том, что в его кончине обвинят меня. Почему я так подумала – и сейчас не понимаю, наверно, совсем отморозила мозги. Позвали мы чемоданного похитителя, притащили Генриха к нему домой и давай поочередно с Майло его откачивать разными заклинаниями. Водитель пришел в себя, рассказал, что забыл с утра выпить свои таблетки от давления, вот и отключился в жарко натопленном салоне, скажите спасибо, что не по дороге. Ну, кому в жарко натопленном, а кому в холодном, как склеп... Сейчас я об этом вспоминаю с содроганием: в ту ночь я изныла, как капризная малолетка в «Детском мире».

В общем, все мы втроем заночевали тогда у невольного похитителя чемоданов. Полночи все вместе просидели на кухне, смотрели на метель за окном и болтали на философские темы. Утром вернулись домой, довольные, ну и с чемоданом Новака.

С тех пор мы с Майло подружились, все же такие поездки, совместные приключения и стресс укрепляют отношения. Да и понравилось мне, что и в мороз он не ныл, и во время всех этих разборок не растерялся – я-то могла только мямлить, выдавая нетрезвую медлительность за степенность профессионального контролера...

Мы проверили еще десяток квартир и отправились на улицу.

– Тебе повезло, что ты работаешь там же, где живешь, – заметил Майло. Мы остановились: мой подъезд был в двух шагах, а напарник жил чуть дальше, в кирпичной десятиэтажной башне за углом.

– Не говори, – я вздохнула и потянулась, задрав голову: ветер сегодня был сильный, и тучи плыли надо мной, как стая пухлых белых рыб, – Хотя я и так устаю от всех этих обходов ужасно. Прихожу домой и сразу валюсь на кровать, как старушка.

– Или топаешь в бар, – ехидно заметил Майло и почесал свое круглое пузо. – Передавай Крокеру привет в следующий раз.

– Пойдем с нами, – предложила я, – Хотя ты вроде не любитель таких мест, а? Он хмыкнул.

– Ладно, пока, коллега, – я поправила сумку на плече и отправилась домой.

Насчет усталости я, пожалуй, ничуть не соврала. Конечно, мы заходим не во все квартиры подряд, жильцы-то на работе, да и смысла в этом особо нет. Обычно я в коридоре прислушиваюсь к своим ощущениям. Почувствовав неладное, нужно постучаться в дверь и, если хозяева дома, показать удостоверение, зайти на порог, ну и дальше разбираться по обстоятельствам. Скорее всего, все нормально, разве что старушке какой-нибудь приснится плохой сон или домашние животные плохо себя ведут. Чаше дверь не открывают, тогда мы оставляем на двери специальную контролерскую карточку с просьбой перезвонить в Комитет и потом приходим чистить квартиру уже в удобное для хозяев время.

Существуют еще всяческие особые квартиры, которые нужно осматривать регулярно, вне зависимости от того, есть кто-то дома или нет. Для этого мы используем специальные открывающие заклятья. С частью хозяев подобных жилищ Комитеты заключают контракты и получают дополнительное финансирование, часть квартир принадлежит государству и находится на особом учете. Ситуации бывают совершенно разными, но общая суть моей работы такова: осматривать пять жилых домов, отслеживать парадоксы и энергетический фон. А также писать отчеты, ездить на срочные вызовы и тому подобное.

В 16 я сдала национальный экзамен на «специальные способности» – или, если говорить иначе, «способности к магии», и неожиданно показала результат выше, чем «у меня плохое предчувствие – этот йогурт обернется диареей». Закончив колледж, я стала профессиональным магом, получила удостоверение контролера, жалование в Комитете и сняла отдельную квартиру. Пока-пока, мама и бабушка. В общем, сплошные плюсы...

Почти сплошные плюсы. Само собой, по долгу службы я постоянно влипаю в разные дурацкие истории, и, наверное, это и есть минусы.

Карточки я расходую очень быстро. Но мне действительно мало лимита. Ведь это только в сказках так бывает: сделал себе какой-нибудь красивый камушек-артефакт, залил его откуда-то под завязку магической энергией – и используй до посинения в хвост и в гриву. Или напрямую черпай силы из Земли-матушки и прочих стихий.

Возможно, когда-то такое и было. В сказках. В реальности же, с того времени, как вся эта сверхъестественная чепуха стала общепризнанной и повсюду используемой, люди начали организовывать Комитеты по контролю, придумали экзамены на способности – как получение прав на машину или мотоцикл. Было придумано много красивых слов для названия науки, изучающей энергетическое пространство, и для тех, кто может его контролировать и использовать, но старые-добрые именованья из детских сказок – «магия» и «маг» – прижились лучше прочих. Иногда профессиональных магов называют «спецами», а магию – «ремеслом».

Государство определяет, сколько энергии в месяц ты можешь потратить. Такие контролеры, как я, конечно, тратят мало энергии. Потому как серьезные инциденты практически и не случаются. А вот, к примеру, врачи колдуют очень много – даже представить страшно, какими запасами они располагают. Обычно их не называют магами или магами-врачами – и так понятно, что в своей работе они одинаково часто используют и зачарованные скальпели, и таблетки, и обычные томографы и рентгены.

Энергия, при помощи которой можно творить магию, находится везде: в земле, в воздухе, внутри каждого человека, в космосе, может быть, даже внутри нашего солнца. Ее можно собирать и распределять – например, разливать по бутылкам и зачаровывать; записывать на карточки. Это делают на специальных заводах. Когда я училась в колледже, нас все обещали сводить туда на экскурсию, но, к сожалению, не сложилось...

Вся прелесть в том, что способности к магии есть абсолютно у всех. Это справедливо. Страшно представить, что было бы, если бы способности были только у избранных. Наверное, эти самые избранные относились к простым людям, как к инвалидам. Из чего бы получился фашизм, шовинизм и куча других ужасных слов. А так... Вышло, как с рисованием: кто-то хорошо умеет, кто-то так себе.

Лично про себя не сказала бы, что я хватаю с неба звезды. Моя бабушка, Сильвия, работала в Центральном Берлинском Комитете в семидесятых годах. Берлинский Комитет – это главный Комитет Еврозоны, самое престижное и интересное место работы, наверное, во всем мире. Характер у бабули просто прекрасный: она настоящая ведьма. Постоянно командует, злобствует, находит, к чему прицепиться. Это сейчас она старая и спокойная, а раньше... Неудивительно, что папа не выдержал и ушел от мамы, когда я была совсем маленькой.

Дома я приняла душ и выпила чаю, а после решила все-таки добратсья до «Вавеля», бара в моем районе. Полутемный крошечный зал в подвале всегда поднимал настроение своей уютной атмосферой, знакомыми лицами и вкуснейшим пивом, грогом или сидром – в зависимости от настроения и времени года.

Бар был пустынным, моего друга Крокера за потертой барной стойкой не оказалось. Я села на высокий стул, облокотилась на стойку и уставилась в мелькающий звездами народной музыки телевизор. Они весело отплясывали на фоне зеленых лугов и холмов – впрочем, разевали рты зря, потому что их песни заглушал игравший в баре фолк-рок.

За спиной чувствовались чьи-то неприятные энергетические потоки в мою сторону. Возможно, я просто вымотана, и мне лишь кажется.

– Хлюя, привет.

Крокер наконец выполз из подсобного помещения со сверкающим столбиком из стаканов в руках.

Я вяло помахала ему рукой.

– Я устала... как... В общем, нормального сравнения еще не придумано, – заявила я.

– По тебе заметно, – кивнул Крокер.

Сам он выглядел вполне довольным жизнью, впрочем, как обычно: та же кожаная одежда, зеленые лохматые волосы... Помимо бара, Крокер работал еще в двух местах, а также имел свой бизнес в интернете. По собственным рассказам, парень еще и был невероятно удачлив в личной жизни. С волшебными способностями у него тоже дела обстояли неплохо, и он все планировал записаться на магические курсы или даже поступить в тот же колледж, что заканчивала я.

– Привет тебе от Майло. Слушай, сзади неместный? – я неопределенно показала рукой назад.

Крокер кивнул:

– Около часа назад пришел. Говорит, приехал из Варшавы, дела, бизнес, в общем, скука смертная. Ощущаешь его интерес? Интересуешься сама?

– Еще как, – я усмехнулась и ткнула пальцем в меню. – Будь добр вот это. А все-таки странное от этого господина ощущение идет... Наверняка он все же профи, таможенник или даже из полицейской службы...

– Ну, сама понимаешь: на товарищах из полиции и всех этих приближенных к верхушке специалистах секретка стоит, ты его с продавцом или охранником с мизерным потенциалом перепутаешь и не поморщишься. Он может быть кем угодно. Но я бы не сказал, что этот тип чем-то подозрителен. Просто увидел блондинку и обратил внимание, – Крокер расставил бокалы, а я обернулась и бегло осмотрела нашего «бизнесмена». Обычная внешность: полный, то ли за тридцать, то ли за сорок, никаких артефактов при себе явно нет.

– Неприятный тип, – я пожалала плечами. На стойке уже обосновался мой дымящийся грог с дикими ягодами.

В зале, как обычно, была слышна смесь двух языков – польского и общего английского. После объединения европейских стран в Еврозону в середине прошлого века общий английский стал вторым государственным языком как в Польше, так и во всех остальных государствах.

Крокер тем временем заливался соловьем на тему какой-то новой знакомой. Я не слушала – идея с секреткой, то есть засекреченным магическим потенциалом, мне не понравилась. Вообще, это магические деяния самого наивысшего уровня, и я лично с таким не сталкивалась. Хотя с чем я сталкивалась: не работа, а сплошная рутина с втыканием иголок в стены и с нудным изгнанием тоскливых полтергейстов и парадоксов...

Крокер, видимо, понял, что ничего толкового из нашего общения не выйдет, и начал приставать к какой-то дамочке с бокалом Текилы Санрайз. Я еще пару минут попялилась висящий под потолком телевизор, бросила на подозрительного приезжего косой взгляд – он уже был занят своей отбивной – оставила на барной стойке деньги и отправилась домой.

Завтра опять на работу, и ненависть к нудному занятию, одним и тем же рожам и вопросам достигла, кажется, своего пика.

До дома от бара я обычно добираюсь за десять минут в быстром темпе. Вечер был спокойный и мирный: над крышами пятиэтажных коробок уже вставала бледно-оранжевая, будто разведенная молоком, луна, свежий ветер бодрил и отвлекал от грустных мыслей – словно рас-

сказывал свою, нездешнюю историю о приключениях, сюрпризах и сказках. Мне даже расхотелось заходить в парадную – во дворе не было ни души, и постоять так, в тишине, наедине с ветром, казалось неплохой идеей. Жаль, что завтра рано вставать.

За дверью квартиры меня ждал горячий шоколад, немного телевизора и сон. Я уже поворачивала ключ в замочной скважине, когда услышала за своей спиной:

– Привет!

Соседская дверь была приоткрыта. Возле нее стояла девушка-азиатка в ярко-голубом халате. Впрочем, азиаткой ее можно было назвать с некоторой натяжкой: восточные глаза резко контрастировали с массой веснушек и русыми волосами.

– Привет, – пробурчала я.

– Я теперь буду жить с тобой по соседству. Ты ведь контролер? Ты Хлоя Моргенталь?

Я мрачно кивнула.

– Я поступила в местный колледж, у меня десятка по шкале Лернера, – девушка широко улыбнулась, – Прохожу практику в вашем Комитете. Ну ладно, как-нибудь зайду за сахаром!

Она помахала рукой и скрылась за дверью. Я пару секунд постояла, тупо уставившись на коврики, а затем все же вошла к себе, заперлась и зажмурилась.

Дело в том, что двадцать восьмая квартира стояла пустой уже давно. За пять лет до моего переезда сюда в ней был обнаружен энергетический провал, засасывавший всякую гадость и пекший парадоксы, как блины: то лифт превратится в осла, то из потолка начинают расти сковородки и вантузы... В общем, разные были проблемы, от смешных до суровых, кажется, даже умер кто-то. Провал долго изничтожали, а потом квартиру запечатали. Меня поселили по соседству, чтобы я сообщила куда следует, если что.

Странностей было слишком много для одного дня.

Я решила пропустить шоколад и телевизор и перейти сразу к третьему пункту своей программы, а именно рухнуть на кровать и крепко проспать до самого утра.

На следующий день я отправилась в Комитет под номером шесть – до боли знакомое неприметное здание в глубине района. Это городская служба коммунальных услуг в области магии, место работы всех контролеров, архиваторов, координаторов и прочих магов, связанных непосредственно с бытом горожан.

Наш Комитет, в отличие от всех остальных в Кракове, выстроенных специально по стандартным проектам, располагался в старом, когда-то жилом доме. Неприметное здание с белыми стенами, узкими окнами и покатой крышей с настоящим ритуальным кругом, намаляванным на старой жести, сохранило немало следов оккультной эры в познании магии: того времени, когда магию путали с эзотерикой и нещадно романтизировали. Узоры из спиралей на деревянных панелях в коридоре; огромный подвал с аппаратурой для работы с первичными стихиями; зачарованные, но давно поломанные зеркала в туалетах – красиво, уютно и таинственно. Как в сказке.

Обходы, безусловно, дело нудное, но бумажная работа куда отвратнее, и ни в одной старой сказке о магии ничего такого нет.

Мы с Ингрид, Марек и Майло заперлись в одном из кабинетов на первом этаже, тесном и почему-то пропахшем сероводородом. Сели за один стол, включили компьютер и обложились распечатанными отчетами. Контролеры всегда оформляют рапорты вместе с архиваторами: так удобнее составлять статистику, сверяться с базами данных, отправлять результаты на сервер, составлять отчет для нашего начальника Пройсса.

Ингрид грызла ручку – как всегда сосредоточенная, удивительно яркая в своем темно-красном платье, которое в сочетании с иссиня-черными волосами делало ее похожей на цыганку. Марек Пожела постоянно что-то набирал в своем телефоне – он обожает разнообразную общественную деятельность, от организаций выставок до участия в митингах. А еще

рисует комиксы на острые социальные темы и выглядит как настоящий потрепанный богемный персонаж – взлохмаченные светлые волосы, потертый пестрый балахон, джинсы с миллиардами дырок и выдавшие виды берцы. Мы с Марек и Ингрид вместе учились в колледже – поначалу Пожела был моим лучшим другом, но в последние годы Марек стал более отстраненным и меланхоличным, так что я сблизилась с Ингрид Хвальковска.

Само собой, мне нужно было поделиться с подругой всеми странными происшествиями: встречами с неприятным незнакомцем в баре и новой соседкой. Я уже заканчивала эмоционально рассказывать про свой безумный день, как Ингрид отложила свой отчет архиватора, резко встала и подчеркнуто раздраженным движением достала из сумки пакет с орешками.

– Держите, – буркнула она и бросила орешки на стол. Майло сурово насупился. – Хлоя, ты гораздо нить. У тебя такие ситуации случались уже миллион раз. Что же говорит твое знаменитое предчувствие, а?

Я поморщилась и скрутила отчет о временных параллелях в трубочку.

– Вроде бы молчит.

Ингрид победоносно ухмыльнулась и отправила в рот сразу три орешка.

– Ты просто истеричка, – неразборчиво пробормотала подруга и открыла прозрачную розовую папку. Я раскрыла рот, но Ингрид жестом показала помолчать. – Скучно тебе живется? Займись волонтерством или пойди учиться играть на трубе.

– Вечно ты меня подкалываешь из-за моего предчувствия, – пробурчала я.

– Обидься, – Ингрид послала мне уничижающий взгляд, а Марек хмыкнул. – Ты сама знаешь, насколько это твое умение бесполезное. Я боюсь, что ты в определенный момент сойдешь с ума и станешь тарошницей или этим... экстрасенсом, прошу прощения за нецензурное выражение, уважаемые господа.

– Ну спасибо, – я полистала лежащий на столе старый отчет Хвальковска, – Вот увидишь, Ингрид, когда-нибудь мое предчувствие сделает меня супергероиней. Я буду мчаться над Краковом в развевающемся плаще, а вы будете глупо раскрывать рты и задираТЬ головы.

– Потому что предсказывание будущего разовьет твою способность летать, – гнусаво протянул Марек, – Ты даже толком не предсказываешь...

– Да, она не предсказывает, – Ингрид его перебила. Она вечно зачинала все издевательства надо мной и сама же их первая прекращала. – И чего Пройсс посадил нас за эту писанину про хронологические происшествия? Они так редко случаются...

– Потому что все нормальные маги от этой работы отказались, – Майло потыкал в клавиатуру компьютера своими толстыми пальцами, недовольно сморщился, видимо, не отыскав нужную информацию. Пожела оторвался от мобильного телефона и многозначительно хмыкнул.

– Что ты там все набираешь?.. – Ингрид внезапно отбросила орешки и выхватила у Марека телефон. Тот едва слышно выругался. Конечно, со стороны кажется, что мы не особенно вежливы друг с другом, но я лично считаю, что это вполне нормально для людей, которые знакомы столько лет.

– Переписываюсь с друзьями из Эстонии, – хрипло буркнул Пожела и обманчивым маневром отобрал сотовый обратно. Ингрид притворно нахмурилась. – В Таллине черти что творится, опять беспорядки...

– Дополнительные льготы для крепостных, – фыркнула Хвальковска.

Крепостными прозвали жителей Тоомпеа, Таллинской крепости. Шестьдесят лет назад Тоомпеа наделили правами свободной зоны, по сути, государства внутри государства: Таллин, один из древнейших европейских городов, превосходно генерировал энергию, а в крепости она циркулировала такими необычными и загадочными вихрями и потоками, что весь Старый город было решено отделить и закрыть.

– Эстонцы хорошо устроились, – кивнул Марек, подбросил телефон в руке, – Развалит все это Еврозону, как пить дать. Говорят, даже границу для финнов перекрыть могут.

– Никому не хочется делиться чудом, – Ингрид снова вернулась к базе данных на компьютере.

– Тоже мне чудеса. Еще нашим предкам обещали исцеление от всех болезней, заклатья для космических кораблей, магическую антигравитацию и все такое прочее, – мрачно пробубнил Пожела, – И где все это?

– Исследования не прекращают, – Ингрид наставительно направила на Марека указующий перст, – Новые заклатья изобретают каждый день...

– Ага, автоматическая починка портков и ботинок, – Марек швырнул мобильник на стол. Майло вздрогнул, а я нервно хмыкнула, – И что? Когда я в колледж поступал, я не мечтал о том, чтобы следить за тем, как люди эти заклатья применяют!

– Ты как будто не учил историю в колледже, – ответила Хвальковска. – Только система комитетов способна сдерживать весь этот хаос.

Я вздохнула. Подобные разговоры мы вели уже лет пять, со времен совместной учебы. Так что я перестала слушать пререкающихся ребят и спросила у Майло:

– Кстати, напарничек, ты помнишь, что сегодня у нас еще и обход?

Майло лишь удостоил меня косым взглядом.

– Между прочим, сегодня на обход с вами иду я, – заявила Ингрид. – У нас в этом месяце будет большой отчет по ящикам, так что я собираю статистику по району.

– Ну так давайте выдвигаться, – я пожала плечами.

– Шестнадцать ящиков на подъезд, – Ингрид деловито тыкала тонким белым пальцем в планшет. – А чего так мало?

Мы с Майло переглянулись. В обязанности Ингрид входил учет магических приборов по району, и цифры по неведомым причинам не сходились каждый год. Не получив от нас ответа, Хвальковска бодро направилась внутрь подъезда и начала подниматься по лестнице.

– Первый ящик в шестой, – пробормотала она. – А, ну эта квартира у нас на постоянном досмотре. Хлоя, открывай.

Я покопалась в сумке и нашла связку ключей от квартир, хозяева которых заключали договор с Комитетом, позволявший нам устраивать у них досмотры в то время, пока в квартирах никого не будет. Шестая квартира была шикарна: прекрасный светлый паркет контрастировал с темно-фиолетовыми стенами гостиной, которая служила и кухней, и столовой. И под завязку была набита зачарованной техникой: видеокамерами, регуляторами температуры и ароматов, удалителями вирусов и пыли.

На прикроватной тумбе стоял ящик Андерсена, устройство для зарядки артефактов: деревянная коробка размером с пишущую машинку, с прорезью для карточки и пятью круглыми кнопками на лакированной крышке – для пальцев. Этот экземпляр был очень красив: крышка из красного дерева, отделка серебром, боковины обшиты темно-бордовым бархатом. Кажется, раньше у этих квартирантов ящик Андерсена был новый и обычный, алюминиевый.

– Какой у них интересный ретро-вариант, – заметила Ингрид, прикрепляя датчики к бокам прибора. Вздохнула, огляделась по сторонам, размышляя о том, что здесь, наверное, хорошо просыпаться по утрам. Окна на восток, много солнца...

– У них икона, – обратил внимание Майло. – Говорят, иногда они фонят.

– Если зачаровать, то да, – согласилась я, – А так...

– Церкви и храмы очень энергетичны, – перебил он.

– Это потому, что здания древние – они накопили энергию с момента постройки, и теперь мы можем ею пользоваться.

Майло странно посмотрел на меня. Я скептически относилась к суевериям, и он это прекрасно знал; я не осуждала верующих, остановившись где-то на полпути от агностиков в атеисты, но религия не была моей любимой темой для разговоров.

– Майло, – Ингрид громко захлопнула блокнот, – Ты несешь ерунду. Я, кстати, говорила, что мало ящиков? На самом деле слишком много. Нагрузка на сеть мощная, на наш район канал от завода слабый...

– ...Поэтому зарядка производится медленно и с ошибками, – я села в крутящееся кресло и прокатилась вперед-назад, отталкиваясь рукой от выложенной из кирпича барной стойки. – И как люди доверяют нам свои жилища? Мало ли, что мы тут можем устроить.

Ингрид улыбнулась. Майло переводил непонимающий взгляд с меня на нее, но нам обоим неохота было делиться той древней историей про роскошную вечеринку, которую мы устроили в одной из квартир на обходе. Про нее так никто и не узнал, поскольку следы мы замели мастерски. Странно, когда я вспоминаю о том вечере, мне кажется, что квартира была заброшена: старый дом на окраине города, практиканты под началом преподавателя устанавливают свои первые датчики, сканируют фон и ведут отчетность, а затем учителя вызывают в Комитет – и практиканты используют это время, чтобы нарушить все правила работы контролера. Мы рылись по ящикам и шкафам, включали телевизор и музыкальный центр, пользовались туалетом и ванной. Нами двигали не хулиганские мотивы или желание самоутвердиться, а простое любопытство. Я осознала тогда всю сложность компромисса, на который пошли люди, чтобы сделать магию такой доступной в быту. Разместить в каждой крепости по бочке с порохом ценой того, чтобы ежедневно кто-то стоял за дверью или входил, проверяя, сух ли порох.

– С чего вообще эта проверка? Она ведь внеочередная, – заметила я. Ингрид закатила глаза:

– Указание самого Андерсена, ты представь только. Отец всей современной магической техники лично постановил проверки всех систем – ящиков, банкоматов, заводов и так далее. Ты же знаешь, у всех этих именитых старичков раз в полгода начинается истерия под названием «Террористы не дремлют!».

– По-моему, они читают те же комиксы про магических мутантов, что наш Марек, – усмехнулась я. Майло отошел от нас на кухню, налил из-под крана воды в стакан и медленно ее пил, мрачно глядя в окно. – Я сто лет не смотрела новости ни в Интернете, ни по телевизору. И не заметила, чтобы в мире что-то сильно поменялось.

Ингрид наконец открепила датчики от ящика, записала данные в планшет и сунула датчики и блокнот в сумку.

– Знаешь, что я думаю? – спросила она. – Просто все эти золотые старички, гении разума, лелеют смутную надежду, что с их замечательной магией все получилось не так грустно, как сейчас все выглядит. Что могут быть и магические войны, и фаерболы, и перемещения во времени при помощи магии – в общем, все, о чем наш Марек мечтает. Вот и выдают желаемое за действительное.

Я открыла дверь из квартиры, и мы с Ингрид вышли в коридор.

– Майло, идем, – прикрикнула я. Напарник неторопливо догнал нас.

Я могла бы ориентироваться в этом подъезде с закрытыми глазами. Каждая щербинка на стене или выбоина на ступеньках были выучены давным-давно. Даже запахи квартир, в которые мы заходили, не менялись. Оставались такими же знакомо-чуждыми.

После проверки пятого ящика Ингрид нахмурилась над планшетом.

– Чем выше мы поднимаемся, тем температура ящиков ниже. Странновато.

– Как такое вообще возможно? – спросила я.

– Температура ящиков зависит исключительно от окружающей среды. Все энергетические параметры, всё, что связано с магией, на такое влиять не может.

– Но влияет же, – раздраженно заявил Майло. Он с грохотом поставил ящик, который до того держал в руках, обратно на письменный стол. – Может, ты неправильно замерила или приборы бракованные?

– Я проверила данные по нескольку раз, – Ингрид мрачно взглянула на него исподлобья.

– Ты что, никогда такого раньше не видела? Может, ты пропустила лекцию про это в колледже?

Ингрид поджала губы. Это недобрый знак – она в ярости и с трудом себя сдерживает.

– Напомни мне, пожалуйста, когда именно я спросила твоего мнения по этому вопросу? – процедила она. – Ведь мнение человека, который даже свое имя без ошибки написать не может, очень для меня важно.

Майло стал красным, как помидор. Он не казался человеком здоровым и был постарше нас; я немного испугалась.

– Ребята, не надо, – я взяла подругу за плечо, – Все нормально. Мы сейчас пойдем в Комитет и поговорим с Пройссом...

– Счастливо, – Майло вышел из квартиры и хлопнул дверью.

– Ничего себе, – пробормотала я. Ингрид расслабилась:

– И хорошо, что он ушел. Не стоит его брать на подобные обходы.

– Почему это?

– А то ты сама не знаешь, – Хвальковска покусала нижнюю губу. – Ладно, я была резка с твоим напарником. Непрофессионально получилось.

– Майло и сам напрасно цеплялся к тебе, – ответила я, – Ты же знаешь, он обычно молчаливый. Что-то не то с ним происходит.

– Я не могу вам сказать, почему так вышло. Температура внутри помещений стабильна по этажам, а в приборах разная, – шеф еще раз бегло просмотрел распечатку и положил в стопку бумаг на краю стола. – Я передам рапорт в Центральный Краковский Комитет, а они уже будут решать, что делать дальше.

– Я знаю, что подобные аномалии бывали, – Ингрид выпрямилась на стуле и посмотрела на Пройсса с невероятной тоской. – Но сама с этим не сталкивалась. А теперь...

Пройсс взглянул искоса на меня – я расположилась у шкафа с книгами и надеялась, что всем своим видом выражаю нетерпение.

– А теперь один из классиков современной магической науки скучает на пенсии, – отрезал Пройсс. Ему самому до пенсии оставалось не так много – он был из тех чуть лысеющих и чуть подрасплывшихся, но крепких мужчин, которые способны находить удовлетворение в любом возрасте и на любой работе, и быть главой второстепенного нестоличного Комитета Пройсса вполне устраивало.

– Что притихли? У вас скоро будет объемное задание на выставке, будет информационная работа по антитеррористической безопасности. Скучать не придется, – шеф хмыкнул. – Я уверен: у Андерсена старые счета с «Ядром», и как только про них стало слышно, этот древний гений заявил и о себе.

– А что про них слышно? – поинтересовалась я. Пройсс достал мобильный, пощелкал по экрану:

– Ничего толком... Как я вас терплю уже сколько – два года, три? Дни слились в бесконечный калейдоскоп с размытым черным пятном, – он кивнул в сторону Ингрид, – И белым, – ткнул пальцем в меня.

Мы с Ингрид переглянулись. Пройсс пожал плечами:

– Впрочем, Пол с Марексом и практиканты достают не меньше. Умоляю вас, успокойтесь и займитесь делом.

– Каким? – обиженно спросила Ингрид.

– Отдыхом! – рявкнул Пройсс. – Все, на сегодня свободны.

Я хотела извиниться перед Майло за Ингрид, но забыла и, отчего-то ужасно расстроенная, отправилась домой.

Глава II

Адреналин – наверное, один из немногих гормонов, которые можно так явственно ощутить внутри своего тела. Такого уже не было довольно давно, и я забыла, каково это – чувствовать каждую мышцу напряженной, как под электричеством. Отрава разливалась в воздухе, оба ребенка – и девочка, и мальчик – уже лежали на полу без сознания. Майло, тяжело дыша, смотрел на меня исподлобья.

– Не тормози, – одними губами шептала я, – Сделай хоть что-нибудь.

Но, увы, мы оба словно примерзли к полу. Парадокс лиловым глазом сиял возле кухонного стола, отбрасывая веселый неуместный блеск на подсвечник на подоконнике. Еще секунда ступора, и, как ядовитая тропическая лиана, из парадокса полезла петля.

Петля – это финал. Она задушит нас обоих, поглотит все силы. Я судорожно вздохнула и сосредоточилась на одном-единственном движении – чуть разогнула руку, чтобы коснуться кармана джинс. Нашупала зажигалку Ингрид, которую все забывала ей отдать. По лицу градом катился пот – всего лишь щелкнуть колесиком, вызвать неестественно оранжевое пламя, резко бросить вперед, целясь в уже хищно ощерившуюся в сторону Майло петлю...

Казалось, меня с ног до головы облило огнем. Я упала и ударилась о дверной косяк, где-то за миллион километров выругался Майло – и тут же все закончилось.

Лиловый глаз потух, я смогла выпрямиться и кое-как отдышаться. В воздухе почему-то повис острый запах керосина.

Я позвонила шефу, через двадцать минут к детям приехала мать – госпожа Стох – и наполнила нас отвратительного вида и запаха чаем.

– Спасибо вам большое, – шептала Стох и массировала виски. – Какая же Ирена умница...

Мы вошли по срочному звонку: испуганный детский голос шептал о «фиолетовом огоньке» на кухне. Часто дети просто балуются. Но в этот раз девочка не соврала.

– Как же так вышло, дамочка? – привычно развязным тоном, словно полицейский на допросе, спросил мамашу Майло. Та теребила дешевый клетчатый платок:

– Это все мой бывший муж. Он практиковал кое-какие техники...

– Оккультные маги, – поморщилась я. Конечно, последние годы стало очень модно изучать разную ерунду, связанную с магией, которая даровала практикующему некие особые знания и чуть ли не просветление. Все это, разумеется, полный бред. Магия – это такая же наука, как физика или химия. Она не сделает тебя ближе ни к ангелам, ни к чертям.

– Он очень ревнив, решил, что я ему изменила, и бросил нас, – давась слезами, сказала женщина, – И пообещал, что отомстит. И даже не подумал о собственных детях, повесив тут эту гадость.

– Парадокс – не гадость, это всего лишь неконтролируемый сгусток энергии, – покачала головой я и покосилась на Майло. Тот сыто икнул и вытер рот кулаком. Нет, я никогда не смогу перебороть чувство стыда за него.

– Почему он активизировался только сейчас? – госпожа Стох промокнула слезы, поджала губы и сразу стала напоминать мне мою бабушку.

Я уставилась в давно не мытое окошко:

– Парадоксы, как и любые другие остаточные следы магических действий, абсолютно неконтролируемы. Невозможно отследить, как и почему они возникают; неизвестно, когда они проявятся. Хорошо, что ваша дочь заметила странный огонек на кухне. Я вижу, что в вашей квартире довольно сложный энергетический фон, жилью надо взять под контроль. Я сообщу

начальству. Да и с мужем вашим связаться было бы нелишне – лучше в точности разузнать о его занятиях.

Стох часто закивала. Я достала блокнот и пометила: «Квартира 15: дети, сложный фон, написать Пройссу».

Жалко детей. Мало им конфликта между родителями, так еще и всякие магические ужасы...

Мы вышли на улицу и с размаху одновременно плюхнулись на скамейку.

– И как ты додумалась до этого прикола с зажигалкой, – покачал головой Майло.

– Первородные стихии иногда недурно срабатывают. Изначальная магия, знаешь ли, – вздохнула я. До боли знакомый двор был залит мерным вечерним светом. – Вообще, этот способ мне показал один знакомый.

– Тот, о ком нельзя вспоминать, значит, – ухмыльнулся Майло.

– Один из, – парировала я. – Все же, видать, у Ингрид слишком длинный язык.

Что говорить, это действительно был секрет Веслава Вежбы – моего друга из колледжа.

А запомнился этот способ мне только благодаря очень серьезной переделке, в которую попала наша такая еще дружная компания во времена практики в колледже. Видите ли, Ингрид очень захотелось поискать приключений, и она отправилась раскрывать обосновавшуюся неподалеку от Велички секту. А мы с Веславом, Полом Крайчеком и еще парой товарищей отправились ее выручать. В той заброшенной больнице, где секта скрывалась, все было по классическому сценарию: ловушки, мешки на голову. Я так перепугалась, что от шока впоследствии потеряла голос на пару недель. Если бы не Веслав с его знанием факультативного курса по магии, мы бы не спаслись. В колледже нас чуть не выпотрошили за всю эту историю, хорошо хоть, что секту раскрыли и всех маньяков из нее распределили по тюрьмам.

– Вспоминаешь сектантскую историю про Ингрид? – спросил Майло. – Не хочешь по рогалику?

Конечно, я хотела. Я хотела чего угодно – лишь бы отдохнуть, отвлечься, не задумываться обо всей этой череде странных встреч, о парадоксах, ливне воспоминаний и ассоциаций и о том, что говорило мое предчувствие: будущее стремительно меняется.

Мы отправились на трамвае в центр. Я устало всматривалась в вечерний город, который поверх остроконечных крыш стремительно заливало фиолетово-красным закатом – черт возьми, солнце стало совсем рано садиться – и привычно играла сама с собой в любимую игру: чем бы я могла заняться в жизни, кроме этой скучной и банальной контролерской работы. Я тасовала эти вероятности, профессии и случаи, как колоду карт. Только грусть была в том, что колода эта знакома и тосклива так же, как и работа контролера.

Майло непонимающе косился в мою сторону, казалось, все порывался о чем-то спросить. Но мне больше нравится, когда он молчит...

На площади, как всегда, сновали разноцветные туристы. Костел святого Войцеха, симпатичный и миниатюрный, всегда напоминал мне домик неких очень странных эльфов или подобных существ, которые с чего-то решили поселиться на рыночной площади в весьма чудном здании. Сейчас, поскольку вокруг костела с верещанием носились ошарашенные каникулами дети, сходство это усиливалось. Вокруг многих из них реяли зачарованные огоньки – они как раз вошли в моду этим летом и продавались в каждом ларьке.

У моей любимой лавки с рогалями не наблюдалось очереди, и я уже хотела направиться к ней, чтобы купить рогалик-другой, как Майло резко дернул меня за рукав.

– Смотри, это же Красинский. Тот антиквар. Что он делает прямо в центре? Куда смотрит полиция?

Я обернулась. И впрямь – Красинский, надвинув на сидящую голову нелепую шляпу, ковылял на своих коротеньких ножках прямо вдоль торговых рядов.

Существует три запрещенные профессии: антиквар, алхимик и оружейник. И антиквар среди них, пожалуй, самая опасная. Антиквары торгуют старыми вещами. Вещами, которые накопили в себе слишком много энергии, вещами, из которых чересчур просто сделать мощные, неконтролируемые, безумные артефакты. Красинский же был одним из самых известных антикваров города, личностью практически легендарной. Он жил здесь на легальных основаниях – разумеется, после того, как его обязали прекратить свою деятельность и передать артефакты в Схрон или музей.

Но на Красинском, медленно идущем мимо нас, слишком уж явственным был след мощного заклятья. Очень подозрительного заклятья...

Стоит поговорить с пожилым антикваром.

– Как интересно, – пробормотала я и бросилась к Красинскому, с трудом огибая детей и фотографирующихся туристов. Неповоротливый Майло едва поспевал за мной.

– Извините, можно вам пару вопросов задать? – я запыхалась, и фраза прозвучала довольно агрессивно. Ну и черт с ним. Обожаю свою работу...

Красинский обернулся, подслеповато уставился на нас. Я показала удостоверение контролера. Антиквар бегло взглянул на запаянный в пластик кусок картона, усмехнулся...

И попросту от нас драпанул.

Бежал старик совсем не по-стариковски – зигзагами, как ошпаренный заяц. Я безумно устала за день после этой истории с парадоксом и петлей, но тело не подвело – я умудрилась не сбить дыхание и почти догнала старикашку на углу у поворота на Посельску. Но ему явно помогал какой-то артефакт: Красинский двигался неестественно быстро, выгибая ноги и руки, как деревянная игрушка. Люди смотрели на него, раскрыв рты и полностью игнорируя наши с Майло призывы «держать вора».

И тут Красинский исчез в одном из дворов.

Я позвонила Пройссу, доложила, тот сказал, что активирует метку. Метка – специальное заклятье, которое накладывают на магов-преступников. Она помогает следить за их деятельностью. У Красинского не было рецидивов, так что про его метку все и думать забыли. Но она никуда не делась.

Мы пытались отдышаться у входа в кафе, опираясь на белый деревянный столик, как Пройсс перезвонил.

– Метка показывает, что Красинский уже каким-то образом оказался у замка. Быстро туда, кидаю вам допуск на складку пространства.

Что ж, тут не так далеко, но складка экономит нам время. Телефон уведомил меня, что на карточке прибавилось энергии, я схватила Майло за рукав и использовала заклятье. Никакого особого эффекта от него нет: мгновение – и ты находишься в другом месте. Складка очень похожа на телепортацию, только в сотни раз менее энергозатратна и работает лишь на маленьких расстояниях.

Вместо уличного кафе перед моими глазами оказалась дорога между замком и Вислой. И, чуть впереди, стоял растерянный старик-антиквар.

Он тут же нас увидел и вновь рванул, как угорелый, сотрясаясь всем телом. Так себе зрелище, если честно... Мы понеслись за ним. Я собрала все силы в кулак и просто прыгнула на Красинского сзади, крепко хватая его за тонкое ветхое пальто.

– Зачем оказываете сопротивление при задержании? – прошипела я. Красинский попытался использовать развешенные на поясе артефакты, но Майло успел схватить антиквара за обе руки.

– Надеялся дальше убежать, – хмыкнул Красинский в жидковатые седые усы. – Но вы, ребята, прыткие.

Я кивнула Майло, и тот стал звонить Пройссу. В одной его лапище поместились обе тощие ладони старика.

– Опять занялись антиквариатом, не так ли? – я повесила на Красинского парализующее заклятье.

Мы отступили на шаг назад. Красинский помолчал, прищурившись, рассматривая фиолетовую в сумерках реку Вислу. Поднялся холодный, резкий ветер.

Я поежилась:

– Точнее... На вас след Тени, я его чувствую.

– Всего раз прогулялся в Тень, – прищурился старик. – Нельзя, что ли, вспомнить молодость? Там сейчас интересные дела творятся. Ходят любопытнейшие слухи...

Я нахмурилась. Дела мне нет до теневых сплетен.

– Никому нельзя ходить в Тень, – глупо сказала я. – Вы временно задержаны. Наше начальство скоро будет.

Это правда. Никому нельзя ходить в Тень.

Тень – это отдача. Тень – темная сторона того, что мы делаем. Каждый раз, когда мы используем заклятья, зачаровываем артефакты и управляем вероятностями, мы тратим энергию, которая циркулирует в мире, как вода: из облаков в океаны, а затем, испаряясь, снова в облака.

Так вот, если мы управляем облаками, то темные, черные воды – это Тень. В каждом городе, в каждой стране, в каждом уголке, где есть маги и практикуется волшебство, можно открыть дверь на ту сторону.

Кто-то играет с Тенью. Кто-то заходит в нее, как в ночной клуб или бордель. Кто-то в ней живет. Официально вход в Тень запрещен и уголовно наказуем.

Мы ничего не знаем о Тени, но, тем не менее, она о нас знает все.

Когда прибыл Пройсс, я лишь отвела глаза – что за дела, даже нельзя спокойно съесть рогалик после тяжелого трудового дня! Куда смотрит патруль...

А Красинский... Старый антиквар лишь ухмыльнулся мне, забираясь в полицейскую машину.

– Рогалик необходим, – проговорил Майло, и мы потащились обратно на площадь.

– Когда они уже нормально отладят контроль? Мало ли, какие еще беглые преступники скрываются в городе среди бела дня.

– Да никогда, – фыркнул напарник. – Будто ты не знаешь, насколько гнилая комитетская система. Она хорошо работала, когда магия не была такой популярной. А все перемены, что в ней происходят, все еще больше запутывают.

– А все клятый Пройсс, – мы оседлали любимого конька: обругивание начальника. Если бы в нашем комитете проводили олимпийские игры, мы с Майло получили бы золотую медаль по данной дисциплине. В ход шло все: от промашек шефа такой давности лет, что нас еще и в помине в Комитете не было, до пройссовой манеры пить чай (издавая отвратительные звуки!) и старомодной шляпы с полями.

Пока мы не съели по три рогалика, а небо над городом окончательно не стемнело, мы не унялись.

Наступила среда.

Обычно я не ставлю будильник, поскольку сплю очень чутко и к нужному времени всегда оказываюсь на ногах. В этот раз я проснулась от раскатов грома.

Я оставила окно приоткрытым, и на широкий подоконник сыпалась водяная пыль. Потом получаются просто шикарные разводы грязи. Я широко зевнула, подползла по кровати к окну и закрыла створку.

Пахло просто замечательно. Помнится, мне как-то объясняли, почему в дождь так особенно пахнет, но я, конечно же, все пропустила мимо ушей...

День предстоял нудный. Нет, последние события, конечно, настраивали на оптимистичный лад: противнейший парадокс в соседнем доме, подозрительные приезжие, наглый антиквар, девочка-соседка, та история с ящиками Андерсена. Я натянула на ногу носок и поморщилась. Второй такой же найти не удалось, зато получилось очень красиво: один носок красный, другой фиолетовый. Ну вот, уже не так нудно.

Как бы еще разнообразить утро?

Я прошаркала на сумрачную кухню и открыла холодильник. Отлично, начнем день с бутылки брусничного морса – конечно, нормальные люди так не делают, но настроение у меня было слишком уж паршивым.

Морс составил весь мой завтрак. Я уселась на подоконник, испачкав ночную рубашку о землю в горшке с фикусом, и уставилась в окно. Отличное августовское утро – низкое серое небо, люди под зонтиками бегают туда-сюда...

Да, окна у моей квартиры выходят на широкий проспект. На углу – банк, а слева от банка виднеется вход в парк, где со мной случались всякие приключения в студенческие годы.

Когда я была маленькой, всегда воображала, что буду жить в каком-нибудь технологически продвинутом городе где-нибудь в Азии. Я даже хотела выучить, например, японский и поступить в Хэйанский технологический университет. Не связываться с магией, а проектировать роботов, компьютеры или даже оружие, почему нет... Только почему-то, когда заканчиваешь школу, до реальных действий дело не доходит. Так что я пошла по стопам бабушки. Два года назад окончила колледж и до сих пор думаю, что это были лучшие годы.

В такие же дождливые дни на парах было ужасно скучно, и мы практиковали всякие дурацкие заклинания типа сна с открытыми глазами. Пожела в них был чемпион.

Только я собралась в душ, как зазвонил мобильник.

– Хлоя? Сегодня на обход можешь не идти, – это был Пройсс. Неужто освободит от работы из-за недавних событий с парадоксом и антикваром?..

– Ого, – сказала я.

– Возле торгового центра небольшой эксцесс. Просят подкрепление от нашего Комитета, полиция не справляется. Сможешь подойти прямо сейчас?

Я – сама наивность.

Обожаю я такие эксцессы. Конечно, я кинула мобильник на стол и отправилась в душ – и мылась там долго, пока не начала клевать в темечко совесть. Потом оделась и разглядывала свое обряженное в привычные черные футболку и джинсы бледное тело, обиженную физиономию, привычно детский вздернутый нос и белые, как у альбиноса, нечесанные волосы, которые свиваются в такие плотные кудри, что напоминают дреды. Я выгляжу примерно на десять лет моложе – как школьница. Только не знаю, издержки профессии ли это или хорошая генетика.

Выбравшись из душа, я собралась: бросила в сумку сломанный карандаш и старое зеркало – отличные штуки для усиления заклинаний, проверенные. Позвонила Майло – он, судя по сонному голосу, еще валялся в кровати.

– Вставай, через пятнадцать минут надо быть на Сенаторской!

Кто только придумывает названия для улиц? Вообще придумывать ужасно тяжело, я над каждым рапортом восседаю, как утка над яйцами: сижу-высиживаю, и в конце концов получается такой лютый бред, что Пройсс выписывает из моих отчетов всякие смешные фразы и потом вешает в интернете. Спасибо хоть, не указывает, что это я опять опозорилась...

Майло, конечно же, опоздал. Когда он наконец приплелся, нога за ногу, с заспанной физиономией, мне сразу вспомнился прошлогодний Хэллоуин, на который напарник пришел с пластиковой дубиной и в меховой шкуре – наряде пещерного человека. Можно себе вообразить, какие рапорты пишет он. Грамматических ошибок там столько, что, когда я читаю, мне кажется, еще чуть-чуть и глаза закровоточат от ужаса.

– Как ты себя чувствуешь?

– Как обычно, – буркнул Майло, – ты про ту ерунду на обходе вспомнила? Больше не повторялось.

– А твои сны? – я вытащила из кармана печенье, разломил пополам и отдала Майло часть. Ел он всё, всегда и постоянно.

– У Ингрид манеру переняла? – раздраженно спросил он. – Она тебя подкалывает на тему предчувствий, так ты за мои сны взяться решила?

Я обезоруживающе подняла руки вверх:

– Спокойно, я тебя не подкалываю. Пройсс упоминал, что у тебя на прошлой неделе была встреча с сомнологом или кем-то...

– Ни с кем, – отрезал Майло.

Я закрыла рот. Конечно, я знала, что напарник – человек с тяжелым характером, но обычно он был откровенен со мной. Однако периодами он будто закрывался от всего, и обижаться на это не нужно. Наверное, не стоит самой сгущать краски, и надо просто оставить человека в покое.

Дождь тем временем закончился, и я сняла капюшон ветровки. Мы прибавили шагу и оказались у магазина ровно в час. Кольцо оцепления из полицейских, сирены, пара-тройка магов-аналитиков из Комитета, столько же контролеров. Пройсс и какой-то высокий старик удерживали в «силках» ужасно грязную бабушку – она явно жила на улице последние несколько лет. Жалкое и печальное зрелище.

– Доброе утро, господин Пройсс, – вежливо поздоровалась я. Пройсс держал бабушку на прицеле голубого луча света, бывшего из лезвия в его вытянутой руке. Ого. Почему такие игрушки выдают только большим начальникам?

– Добрый день, – мрачно пробурчал он.

– Извините за опоздание, это все мой напарник, – кивнула я на Майло, который с унылым видом рассматривал аляповатые ларьки на другой стороне улицы. Зеваки кидали на него испуганные взгляды.

– Контролеры нужны здесь лишь для подстраховки. Ситуация такова: бабушка когда-то была врачом. На старости лет двинулась умом. Лечебница, побег, уличная жизнь – госпожа Эгнис добрела из столицы до нашего города и швыряется разными опасными заклятиями налево и направо.

Бабуля Эгнис сидела на асфальте и озиралась то в одну сторону, то в другую. В одной ее руке была небольшая книга в темной обложке, а в другой – осколок зеркала. Оба этих предмета мне очень не понравились. А еще бабка была очень, очень сильна – за десятку по шкале Лернера точно.

– И ведь правы вы были, что скучать не придется, – протянула я. – А что же глава Комитетов?

– Господина Бежанека нет в городе – и не будет ближайшую неделю, он в отпуске. Нам так повезло, – Пройсс поправил сползшую шляпу и поморщился, видимо, добавив энергии на «силки» – дедулька рядом с ним кивнул и тоже усилил яркость своего луча, две голубые полоски света стали отчетливее. – Эгнис потенциально опасна. Ее сила велика, и может случиться все, что угодно.

Люблю банальные фразы, в них столько оптимизма...

Я посмотрела по сторонам. Много знакомых лиц: вон Ингрид жует жвачку, кутается в свое фиолетовое пальто, вон противная менеджерша из третьего Комитета... Чуть поодаль маячили полицейские. Толпа вокруг прибывала, зевак становилось все больше. Странно, откуда вообще в наш век скучных чудес берутся зеваки?

Майло начал напевать под нос какую-то песенку – ненавижу, когда люди без слуха петь пытаются, хочется сапогом по голове надавать.

Но тут бабулька приподнялась.

Она взмахнула рукой и словно потянула на себя пройссовский луч. Начальник пошатнулся; высокий старик что-то шепнул. Оперативники рванули вперед, но все, что можно было сделать, – это чисто физически удержать Пройсса на месте. Что я и сделала – машинально схватила его за пальто.

Ну и полетела по инерции головой вперед. Воздух вокруг бабки заискрился.

Пройсса протащило рядом со мной – он налетел на невидимый купол и отскочил, поставив какую-то защиту, а я как будто засыпала на ходу – меня несло к бабушке, и ничего хорошего это не предвещало. Это была вампирская ловушка. Мгновение, и ты лишаешься своих способностей на пару лет.

Энергию можно использовать и без карточек. Только вот способы добычи ее – воровство, убийство, вампиризм, браконьерство – все как на подбор опасные и, что главное, незаконные.

– Майло, давай! – Ловушка была уже перед моим носом, как я увидела боковым зрением, что Майло швырнул хорошо заряженную ручку бабке прямо в лоб. Эгнис осела на землю. Я с размаху приземлилась на коленки и успела провести нейтрализацию по полной программе – тридцать единиц с карточки долой.

– Вот спасибо, – пробормотала я.

– Можешь встать? – Майло навис надо мной, ограждая от суеты вокруг.

Я вздохнула:

– Погоди минуту.

За дело взялись полицейские – при помощи аналитиков грамотно расставили силки, сплели сеть заклинаний и активировали свои карточки. С такими операциями, как с посадкой самолета: нужно скоординировать работу многих людей, все точно рассчитать, и только тогда будет ждать успех.

Итак, бабушку, кажется, скрутили.

Я немного посидела на земле, отдыхая. Поблагодарила Майло, что-то умно ответила Пройссу. Тот по-джентельменски помог мне подняться – коленки я разбила в кровь.

Как оказалось, несколько дней назад Эгнис обивала пороги Краковских Комитетов: полусумасшедшая старуха все пыталась проводить какие-то ритуалы, сканировать ментальный фон, заводить пространственные разговоры с сотрудниками. Наконец, бабушку решили сдать обратно в ту лечебницу, из которой она сбежала – но не тут-то было: старушка умудрилась вырубить свою охрану, выбраться из машины и побрела по городу, самым вампирским образом выкачивая энергию у встречаемых горожан.

Ну что ж, могло быть и хуже.

Публика начала расходиться. Я чувствовала себя героем и устала на начальника с выражением скромности и надежды на лице.

– Неплохо сработано, Хлоя, – меня он потрепал по плечу, а Майло не решился, лишь одобряюще кивнул ему, – И ты тоже молодец. Кстати, приглашаю вас обоих на праздничный ужин в Комитет завтра вечером. Повод – новый грант для кое-каких магических исследований в Малопольском воеводстве.

– Наука – это хорошо, – прогундел Майло, – Вкусная еда – еще лучше.

Я скорбно поджала губы.

– Жду вас обоих, – подытожил Пройсс.

Я отряхнула джинсы на коленках и поплелась домой.

Собрали нас всех в длинном, как гроб, зале на первом этаже Комитета. Здесь мне, кстати, два года назад вручили диплом. Розовенькие стены, под потолком намагичен фонтан из бумажных розочек, возле окон буквой «П» стоят длинные столы. В углу – импровизированная сцена. Ужасные колонки по углам распевают романтические хиты тысячелетней давности. И не скажешь, что и в этом зале раньше проводили странные обряды...

Мы расселись. На небольшую сцену поднялся Пройсс и начал толкать речь о том, как он рад деньгам и все такое прочее. Мы с Ингрид ухмыльнулись друг другу – она была такая красивая в своем полосатом платье и белых перчатках. Рядом с ней веселый Пожела за обе щеки уплетал салат. Чуть подальше от него я вдруг увидела ту самую мою соседку из странной квартиры. И, честно говоря, ужасно напряглась. Она переговаривалась с незнакомым мне заморенного вида парнем, смеялась и не обращала никакого внимания на речь Пройсса.

Я и сама давно перестала его слушать. Как только начальник смолк, в зал вошли официанты и стали разливать выпивку и раскладывать тарелки с жареной картошкой, разнообразными соленьями, пирожками, драниками и салатами.

Я, конечно, дома ничего готовить не стала: после рабочего дня мы с Майло выпили у меня на кухне чаю и быстренько двинули в Комитет. Я даже решила не наряжаться и притащилась в растянутом свитере и кожаных сапогах, которые делают меня похожей на малолетнюю искательницу приключений, собравшуюся сбежать в открытое море и стать пиратом.

Прикончив салат, я приступила к фаршированным яйцам. Майло уже успел обглодать кусок индейки и веером раскидать вокруг себя косточки.

Тут я заметила, что та самая соседка по этажу поглядывает в мою сторону. Я помахала ей рукой и получила в ответ какую-то странную улыбку. А секрет оказался вот в чем: смотрела она не на меня, а изучала Майло. И чем ее мог заинтересовать этот борец сумо? Ну ладно, не сумо, скорее борец с едой – она его главный интерес в жизни, и ни одна, по его выражению, «аппетитная дама» не смогла бы соперничать с хорошей отбивной. Впрочем, у всех свои вкусы...

Вот и сейчас Майло никакого внимания обратил на жгучий взгляд восточной красотки.

Тем временем началась развлекательная программа.

– Будешь участвовать в конкурсах? – ехидно склонилась ко мне Ингрид.

– С ума сошла, – я доедала картошку, – Вот Майло будет. Кто дольше всех проторчит в сортире, например...

Вместо конкурсов начались танцы. Майло и впрямь куда-то убежал, и тут ко мне под села моя соседка. Ингрид удивленно вскинула брови.

– Привет, Хлоя! – поздоровалась новоприбывшая.

– Привет. Как тебя зовут?

– Верона, – она взяла с широкой тарелки половинку помидора и запихнула в рот. Я жевала картошку и лишь кивнула. – А где твой напарник?

– Майло вышел в туалет, – вставила бесцеремонная Ингрид.

– У нас в колледже говорили, что у него необычная судьба. Он... Вроде как деревенский самородок, это правда?

– Ну, он приехал из деревни, это да. Откуда-то с севера страны, из-под Гданьска, что ли, – с набитым ртом пробурчала я, – Он особо не рассказывал.

– Понятно, – Верона опять как-то противненько заулыбалась. Она даст мне поесть или нет? Может, еще пару месяцев так оттянуться не удастся... – Неудивительно, что многие мечтают поработать в Кракове. Старые города очень энергетичны, здесь легко и интересно заниматься магией.

Я кивнула. Прага, Цюрих, Афины, Таллин – самые древние города Европы. Краков еще молодой по сравнению с ними. И уж точно моложе городов ливанских и сирийских, которые не становятся мировыми энергетическими столицами только из-за давления религиозных общин.

– Почему ты интересуешься? – с набитым ртом проговорила я.

– Ну, мне интересны люди, – Верона вновь растянула губы в улыбке. – Интересен ваш Комитет. Атмосфера здесь очень приятная, а господин Пройсс – замечательный руководитель.

– Мы в комитете собираемся открывать экскурсионное бюро. Возьмем тебя в команду, – вставила Ингрид. – Нам как раз не хватает автора штампованных фраз.

– А я буду продавать магниты, – Пожела скрестил руки на груди и сурово уставился на Верону. Та ответила ему невинным взглядом – ни один мускул на ее лице не поменял положения.

Тут к нашему столу подошел Пол Крайчек – парень, с которым мы с Ингрид учились вместе в колледже, наш общий друг; мне он немного напоминает богомола: очень высокий, худой, с огромными печальными глазами навывкате. Носит очки и клетчатые рубашки. Пола все вокруг любят – он очень коммуникабельный и добрый парень, хотя и зануда.

– Вы, я смотрю, травите практиканта? – Пол цокнул языком, и я бросила в него скомканной салфеткой. Верона послала свою пластиковую улыбку и ему. – Верона, я могу пригласить тебя на танец?

– Конечно! С удовольствием!

Пол и Верона исчезли в мгновение ока.

Я пожала плечами, положила себе здоровенный кусок жареной форели и облила ее соусом тартар. Стоило попробовать лишь маленький кусочек, чтобы убедиться еще раз: повара нашей столовой великолепны. Мне в мгновение ока захотелось подойти к их стороне стола и крепко обнять каждого.

К тому времени, как солнце село и за окнами зажглись огоньки проспекта, мы все наелись, как на убой. Майло еле двигал ногами, а я шла домой так, как будто была беременной на последнем месяце.

– Наверное, я вообще неделю есть не смогу, – я охнула и с тоской покосилась на Майло.

– Я тоже. Так что там хотела эта девица?

– Спрашивала про тебя, – повторила я. В конце ужина я уже рассказала Майло про Верону, но ему же, балде, все нужно многократно повторять.

– Не знаю, что ей надо, – ответил напарник.

– По-моему, это все очень подозрительно, – покачала головой я, – Что это вообще за имя такое: Верона? И сама эта мадам какая-то неприятная. Она потом к тебе не приставала?

– По-моему, она сосредоточилась на Крайчеке, – пожал плечами Майло. – Ладно, до понедельника.

Целую неделю мы действительно почти не могли ничего есть. Но это была ерунда по сравнению с напряженной работой: обходы пришлось проводить тщательнее из-за месячного рапорта, который вдруг затребовал Пройсс. Долго он добреньким не бывает – мягко стелет, да вдруг как устроит бюрократический кошмар...

Зато погода в городе улучшилась. Противные дожди закончились, и меня тянуло в парк или в лесок, или просто прогуляться с Ингрид, или в кабак к Крокеру, повидать старых знакомых. Но как назло, приходилось заниматься рабочими делами.

Однако что-то надвигалось – в этом не было никаких сомнений. Я чувствовала это все сильнее и сильнее.

Ингрид Хвальковска с колледжа была моей самой лучшей подругой.

Поначалу мы вместе снимали квартиру, корпели над учебниками, обсуждали сплетни и часами гуляли по мрачным улицам вроде Кроводерской, одно название которой весьма намекает на разные ужасы.

Мы искали неприятности – и мы их находили. В школе я была спокойной и мирной девочкой, просто ангелом с виду, а в колледже как с цепи сорвалась – научилась драться, скандалить, плести интриги и все прочее, что полагается начинающему магу. И хорошо училась – я поняла, что у меня действительно всё получается. Получаются все эти волшебные штуки – не как у Святой Бабушки, а по-своему.

Сейчас я понимаю, что иначе и быть не могло – когда я была маленькой, то старалась быть хорошей для всех. Для отца, которого таким образом мечтала вернуть в свою жизнь; для

матери, которую куда больше интересовали любовники и вечеринки, чем дочь. Для бабушки, которая махнула рукой на своего ребенка и пыталась вырастить вторую себя из внучки. А когда я повзрослела, поняла, что никому ничего не должна.

Не должна быть хорошей. Не должна быть плохой. Я не должна скучать и не должна быть одна.

Наша дружба с Ингрид, конечно, не оставалась безоблачной. Как-то раз мы с ней крепко повздорили, смертельно поругались и даже в сторону друг друга не смотрели, поэтому из квартиры, что мы снимали вместе, я съехала. Честно говоря, я об этом не жалею, поскольку те апартаменты, что я начала снимать, оказались гораздо уютнее предыдущих.

Так что во время прогулки я все же рассказала о своих странных ощущениях Ингрид, хотя и немного опасалась, что она опять назовет меня истеричкой и высмеет.

Предчувствие становилось все более мощным – стоило закрыть глаза, и под веками вспыхивали разрозненные, но всегда одни и те же тревожные образы: белоснежная гора, залитая холодным голубым светом, сотни черных бабочек, летящих в лицо, тяжелые ржавые цепи, которые тянулись ко мне из темноты. И я не знала, как расшифровать все эти знамения – впрочем, это у меня никогда не получалось. Что проку в таком предчувствии?..

Ингрид выслушала меня. Ухмыльнулась, закурила свою противную ментоловую сигарету, уселась на скамейку и пробурчала:

– Тебе лучше всех известно, что к своим ощущениям надо прислушиваться.

Я скучающе уставилась в уходящую вдаль аллею.

– Да не то, чтобы ощущение тут. Набор картинок... – я поежилась. – Одно могу сказать: это скорее как развилка. Уж насколько я привыкла к новым людям в Комитете, но эта девица с великолепным именем Верона сразила меня наповал...

Ингрид состроила рожицу.

– Ну, раз вариантов развития несколько, тогда и напрягаться не стоит, – Ингрид стряхнула пепел на асфальт, – Только нервы попортишь. И, вообще, не мешало бы нам съездить в столицу, покататься с песнями в метро, устроить дебош в торговом центре. Как в старые-добрые. А?

Я засмеялась.

– Вот именно, что в старые, – я покосилась на точеный профиль боевой подруги: именно такие носы и рисовали в книжках всяким злым волшебницам. Но Ингрид, конечно, не злая, а нос – фамильная гордость. – Сейчас я стала ленивая и скучная.

– Ну, к Крокеру-то ты все еще заходишь. И в прочих злачных местах тоже не прочь появиться, – улыбнулась Ингрид. – Это нормально, мы молоды. И не стоит называть себя скучной.

Я потеряла ладонью лицо.

– Ничего плохого тут не вижу.

– Дело не в том, – продолжила подруга. Я фыркнула. – Хлоя, как будто какая-то часть тебя все еще застряла в том дне. Помнишь, в Берлине один такой печальный день был...

Я пожала плечами. Я помнила.

– Только потому, что не нашла ответа. Ты же знаешь, ничто меня так не бесит, как не расставленные точки...

– Я знаю.

И я была благодарна ей за это знание.

Мы поднялись со скамейки и поплелись к выходу из парка.

В пятницу я проснулась с четким ощущением прохождения точки невозврата. Того самого момента, когда луна находит на солнце, и тысячи людей поднимают головы к небу, как и их предки много лет назад. Странно, сейчас мы знаем о законах небесной механики и не раз-

мышляем о том, вернет ли волк свет Красной Шапочке, но это тонкое ощущение трепета испытываем все равно. Эти трепет и предопределенность так похожи на то самое мое предчувствие, которое совершенно точно можно зафиксировать при помощи приборов и так трудно описать словами.

Я не торопясь позавтракала, помыла посуду и решила подзарядить артефакты. Одной рукой нажала на кнопки, в другую руку взяла артефакт, прадедов нож, и считала с карточки нужное количество магических единиц. После него свою долю энергии получила старая, найденная в развалинах театра на окраине Берлина шариковая ручка и ржавая отвертка времен Сопротивления, которую я не очень люблю использовать – отвертка неприятно и очень явственно фонит энергией смерти. Так и вижу, как это погнутое острие вошло в чей-то глаз...

Сила заклятий во многом зависит от возраста артефакта. Именно поэтому профессия антиквара стала запретной, а опасный, удобный для зачарования антиквариат – практически полностью конфискован из частных коллекций.

Убрала инструменты в чехол и засунула в сумку. Здравствуй, новый рабочий день.

При обходе только три квартиры показались мне подозрительными. В одной из них оказался назревающий парадокс; в другой – конфликт между зачарованной зажигалкой и ловцом снов; а дверь третьей была наглухо заперта. Мы с Майло управились со всеми тремя домами к семи вечера, последним осмотрев мой.

– Проводишь меня до квартиры? – неожиданно сама для себя спросила я коллегу.

– Я и сам хотел предложить. Что-то ты бледная, – буркнул Майло.

Я крепко зажмурилась. Ледяная гора, бабочки, цепи; ледяная гора, бабочки, цепи. Кровь шумела в ушах, слегка знобило – и я наконец начала понимать, точнее, ощущать каждым нервом тела, что именно сейчас нужно делать. Почти так же я вытягивала нужный билет на экзамене, вставала в нужную очередь в магазине или высматривала в городских толпах тех, кто может стать проблемой или попал в беду. Все эти образы и ощущения внутри толкали меня к последовательности событий, которые уже невозможно избежать. Они были связаны со всеми, кого я знала, и в первую очередь с Майло.

– Да. Тебе нужно пойти со мной сейчас, – кивнула я. – Это предчувствие, оно общее... Это общее будущее. Для нас.

Майло равнодушно пожал плечами, всем своим видом выказывая недоверие. Это меня слегка задело. Ладно Ингрид, так и этот туда же.

Мы поднялись на пятый этаж и остановились у моей двери. За дверью квартиры Вероны царила тишина.

И тут я увидела на коврике маленький белый конверт.

– Видишь? – я показала на конверт напарнику. – Кажется, это оно.

В ушах стучало – картинки под веками стали яркими, как никогда. Майло вновь пожал плечами.

– Ну чего переживать попусту? Открывай. Там не может быть ничего такого ужасного, не дури.

– Может быть, отнесем это Пройссу? – робко спросила я и тут же поняла: эта история касается непосредственно меня и моего бедового коллеги.

– Давно ли ты стала бегать от приключений к начальству? – резонно заметил Майло.

– Ты прав, друг. Однако, сто лет никто не сообщал плохих новостей таким способом, – я тяжело вздохнула, – а как же телефоны и интернет?.. Откуда такая старомодность...

– Давай уже, – буркнул напарник, – хватит тянуть резину.

Я кивнула. Майло ответил ободряющим взглядом. Я открыла конверт, вытащила из него лист бумаги. На нем еле заметно проступали будто сфотографированные с вертолета деревья – серебристые контуры на белой бумаге...

...Мы переглянулись – Майло взял лист у меня из рук и заорал:

– Это автоматическая карта!

Я вцепилась в его руку. Хорошо, что успел предупредить – нас с силой дернуло и потащило в загадочное «никуда». Мне на мгновение показалось, что моя голова отделилась от тела, и ощущение было пренеприятнейшим. Но испугаться, кажется, я не успела.

Что ж, хотя бы я не одна. И телепортация не длится долго.

В следующее мгновение мы оказались на опушке леса. Чертовски знакомого: это был Вольский лес, место, где можно заблудиться в два счета. Между деревьями, что были изображены на карте, виднелся Курган свободы, ну а вокруг...

Кольцо знакомых лиц.

– Ты знала? – Майло сморщился, как старикан.

– Конечно! – саркастично фыркнула я и огляделась вокруг. Если бы я знала...

Нас, оказывается, ждали. Верона. Эгнис. И тот же неприятный бизнесмен, посетитель «Вавеля».

Майло хмыкнул.

Все карты собрались в колоду, и получившийся расклад совсем меня не радовал. Нас словно долго и упорно сжимали в кольцо – и теперь это кольцо из фигурального превратилось в самое что ни на есть физическое.

– Мы пригласили вас обоих для серьезного разговора, – сказала Верона. – Разговора, который неминуемо перерастет в действия...

– В драку? – перебила я. – Ты мне сразу не понравилась, учти.

Верона оскалилась.

– Зря ты так, Хлоя. Мне хотелось посмотреть на тебя в деле. Скучно же с утра до вечера бродить от квартиры к квартире?

– Что вам надо? – перебил ее Майло. – И откуда такая уверенность, что Хлоя прибыла бы вместе со мной?

– Элементарная теория магических вероятностей, – неприятный тип подал голос, неожиданно низкий и звучный, как у оперного певца.

– Наша первейшая цель – ты, Майло, – Верона скрестила руки на груди. – Госпожа Моргенталь тут скорее для любопытной декорации.

– Ты не ответила на мой вопрос, – заметил напарник. У меня гудело в ушах – заклятья формировались в сознаниях всех этих неприятных ребят, набирали силу. И заклятья были действительно... боевые. Они что, серьезно собрались с нами... драться?

Безумие. Мне надоел этот цирк.

– Вызов на незаконную схватку расценивается как покушение на жизнь контролера, – унылым голосом сказала я, – У вас есть минута для того, чтобы добровольно сдаться в руки Шестого Комитета города Кракова.

– У тебя не работает мобильник, Хлоя, – пожала плечами Верона. – И это не совсем... Схватка. Это скорее похоже на ограбление.

– Да, восемь вечера уже, – пробормотал Майло. Полез рукой в карман – за ручками, что ли... Сегодня видела у него две гелевые и старинную шариковую – хорошие, очень грамотно откалиброванные предметы.

– Молодец, что готовишься, – сказал своим зычным голосом неизвестный мужчина, – собственно, тебя грабить и будем.

Майло тупо уставился на него.

– А я вам тогда зачем? Может, я пойду? – спросила я.

Верона поправила черное пальто, смахнула невидимые пылинки:

– Я воздержусь от ответа. Пусть так – мне, как понимаешь, проще было подбросить карту тебе. Рассчитать ситуацию сложно, когда в деле участвует маг с провидческими способностями... И я уже говорила, что хочу посмотреть, как ты дерешься.

– А сначала сказала, что воздержись от ответа, – вставила я. – И спасибо, что вспомнила про провидение! Остальные только издеваться над ним горазды.

Мы все тупо помолчали несколько секунд, пялясь в сумеречный лес. Деревья совсем почернели и окружили нашу странную компанию глухой стеной.

– Так, собственно, – я решила подать голос, – Что вы там хотите у Майло отобрать? У него с собой только эти вещи из секонд-хенда да пара унылых артефактов. И вообще, он нищий, как бабуля Эгнис. Кстати, очень интересно, как вы умудрились ее вытащить из-под стражи.

Безумная бабка сидела на земле и возила пальцем по грязи. Я поняла, что она у них была в качестве аккумулятора, из которого загадочные ребята черпали силы. И, скорее всего, являлась частью плана Вероны: соседка явно здесь за главную.

Гуманно, ничего не скажешь.

– Не твое дело, – Верона улыбнулась и чуть качнулась вперед – я подобралась, готовая к атаке. Давно не дралась как следует и почувствовала кураж. Кураж, страх и недоумение.

– Что за сумасшедший дом, – Майло прибавил к реплике немного крепких выражений в своем духе. Не люблю, когда так матерятся: бездушно и не смешно. – Иди сюда. И отпусти Хлою. Пусть валит отсюда.

– Я не собиралась убежать, – я ободряюще похлопала Майло по обтянутой старенькой курткой руке.

– Конечно, ты будешь все отрицать, – Верона сделала маленький шаг вперед, – Мы прекрасно знаем, что именно ты прячешь.

– Ты совсем тупая или как? – Майло начинал выходить из себя, и это меня напугало. От него пошли глухие волны ярости, совсем как в тот день, когда в одной из квартир на него набросился пьяный сосед. Майло тогда стал натуральным берсеркером, разгромил полквартиры и пробил хулигану голову. Напарника лишили карточки и зарплаты, а на меня наложили взыскание.

«Бизнесмен» также сделал шаг вперед. Я хорошо изучила его энергетику и поняла слабые места.

Верона внушала мне все больше опасений. Втереться в доверие в Комитете, самовольно заселиться в квартиру со следами портала – это надо быть очень, очень хорошим магом. Боевым к тому же.

И к тому же – у нее был старинный зачарованный кинжал. Настоящее, притом старое боевое оружие с боевым заклиньем – запрещенная строго-настрога вещь.

С кем же мы связались?

Верона усмехнулась, Майло издал невнятный звук.

Они кинулись друг на друга, и началась самая адская драка, в которой мне доводилось участвовать. Может потому, что сравнивать особенно не с чем. Боец я паршивый...

За секунду до того, как я поставила свой первый блок, я вдруг почувствовала, что знаю, чем кончится эта схватка.

От удивления и шока у меня мороз пошел по коже.

В общем-то, я ничего толком не видела. Фонари еще не зажглись, и сумрак сыпал в глаза серыми мушками. Вечером я очень плохо вижу – кажется, это называется куриной слепотой. Ну да ничего, в боевых схватках это обычно не мешает. Я полагаюсь на чутье.

Пока Майло разбирался с Вероной, я успела раскидать свои заряженные предметы – ручку, прадедов нож и отвертку – по периметру поляны. Они образовали кольцо, которое усиливало мои способности. Я поняла, что карточку придется исчерпать до дна.

Мне нравится быть магом, пусть даже контролером. Это помогает в быту. Кто любит сам мыть свою посуду? А кто любит драться? Я – не очень.

Полный «бизнесмен» опасно приближался. Плохо, вон он какой массивный, сильный. Хорошо, что неповоротливый. Я решила, что спишу с карточки в первую очередь: сниженный вес для себя любимой. Все прошло как по маслу: я стала легче и смогла подпрыгивать в воздухе на манер жутких дядек из фильмов про кунг-фу. Так что первый удар по «бизнесмену» оказался совсем не магическим – я просто подпрыгнула и врезала ему по уху ногой.

Приземлилась на землю и увидела довольный кивок Майло, они с Вероной то нападали друг на друга, то отскакивали в стороны – я так поняла, что она пыталась пробить его защиту, а он отталкивал ее. Это выглядело, как безумный танец. Однако, напарничек неплохо держится...

Тактически правильно было бы убрать отсюда бабульку. Эгнис сидела на земле все в такой же позе. Как же Верона вытащила ее из полицейского участка?

«Бизнесмен» снова попытался атаковать. Сниженный вес сделал свое дело: я ушла из-под удара в прыжке и успела намагичить простую вампирскую фишку – скачать у мужчины немного энергии с карточки. Он сразу же это прочувствовал и сбился.

Что за наивность?

Вампирский прием все-таки удалось довести до конца, притом на бабульке. Она ощутимо стала слабее. Как же подло вмешивать в свои странные разборки пожилого человека, да еще и невменяемого...

Всей этой донельзя чудной компании место за решеткой. Или в лечебнице.

Заклятье сниженного веса закончило свое действие – я не удержалась и рухнула прямо на толстого «бизнесмена». Притом так хорошо рухнула, что слетела с его удалого плеча прямо носом в землю. Было чертовски больно, в носу захлюпало – но жалеть себя времени не было. Я приготовилась для новых вампирских заклятий и параллельно где-то в маленьком участке мозга высчитывала, чем бы лучше вырубить бабульку.

Тяжело. Действительно тяжело. Я отбежала и успела взглянуть на экран телефона – Верона не обманула. Нет сети.

Сбоку раздался сдавленный хрип, и я обернулась. Верона таки достала Майло – она поставила руку к его груди и словно пыталась что-то... Прочитать или вытащить? Она выглядела жутко напряженной, и я решила этим воспользоваться, ударив по ней простым оглушающим заклятьем.

Кажется, она ничего не почувствовала. Все замерли, а «бизнесмен» выступил вперед:

– Ну чего ты тормозишь? Кончай этого идиота!

– Чего?! – я захлюпала носом и утерла с подбородка кровь. – А как же кража?

– Помолчи, овца, – разошелся дядька.

Фонари медленно зажглись. Наконец-то!

Я почувствовала град заклинаний, которыми атаковали Майло. В первую очередь, конечно, от Вероны, но и мужик тоже не отставал.

Тень их дери... И ничего-то я не могу сделать.

Я попыталась отключить Эгнис, но бизнесмен почувствовал это – и двинул мне по голове своей лапицей. Видимо, я устала: если меня можно достать без всякой магии, то рефлексy ни к черту. В голове загудело, и я осела землю, как будто все кости из ног вытащили.

А тем не менее, что-то очень интересное носилось в воздухе.

Такое чувство у меня было в Праге, когда я туда ездила на экскурсию, еще в колледже. Там есть Музей Магии, в котором собрано все, что относится к Волшебной эре в развитии человечества, ну и все, что было до нее – Молот Ведьм и прочая собачья чушь. Там же хранится Первый артефакт – тот самый, с которого началась магическая эра. Так вот, возле этого артефакта просто волосы встают дыбом, такой мощью от него веет. Причем она нарастает, как звук: вот он совсем тихий, а потом все громче и громче, торжественнее и торжественнее...

Так же было и сейчас. Энергия просто разливалась в воздухе – бери не хочу. Это не жалкая нормированная подачка с карточки или предмета, нет. Это была чья-то отфильтрованная, высококлассная и качественная энергия, словно глоток элитного вина после многолетнего потребления браги.

И она шла от Майло. Он все еще был в цепкой хватке Вероны, но по ее лицу я поняла: она тоже это чувствует. Майло взглянул на меня с растерянностью и попытался пожать плечами – я резко махнула головой, сбрасывая оцепенение, и вобрала в себя столько, сколько могла. Словно впустила в легкие воздуха перед глубоким погружением. И никто ничего не заметил – отморозок всматривался в Верону, она молчала с очень странным выражением на лице, а я делала вид, будто оглушена.

Возможно, я нарушу закон, используя энергию не с карточки. И черт с ним.

Я поняла, что сейчас-то и нужно действовать. Майло почему-то ничего делать не мог: они с Вероной все так же стояли друг напротив друга.

Первое, что мне пришло в голову в этот момент – самое развеселое заклятье, отнимающее портки и выбрасывающее их на расстояние десяти-двадцати метров. Любимое школьное развлечение. Только вот мощь его можно варьировать...

Я припомнила расположение своих предметов. Быстро посчитала в голове нужную формулу. Двадцать единиц со своей карточки плюс то, что я набрала извне, да примерная масса собравшихся...

Чистая математика и физика. Ничего мистического. Почти.

Я вскочила на ноги – Эгнис, бизнесмена и Верону приподняло в воздухе. Я собралась с силами и закончила: ураганом дунул ветер, и три разноформатных тела унесло в разные стороны от поляны. Километров на двадцать-тридцать, если я все правильно посчитала. Красиво.

Неужели получилось?..

Голова закружилась от усталости, деревья и фонари плясали безумный танец. Я кое-как вытерла кровь с лица – Майло валялся на земле, раскинув руки. От него все так же шли пульсирующие волны чудесной, потрясающе качественной энергии. Я подползла поближе.

– Что им от тебя было надо?

Майло не ответил. Он лежал на спине в глубокой отключке... Обморок? Это было на него совершенно не похоже. Да, можно энергетически вымотаться, но физически – вряд ли. Это Верона что-то сделала с ним.

Досталось другу неслабо.

И... Да, это было то, что я почувствовала перед боем, – обрыв, завершение; однако, бабочки и цепи перед глазами исчезли.

Линия событий менялась... И эта разлитая энергия тасовала вероятности будущего, как колоду карт, причем каждую секунду.

Я считала пару реанимирующих заклятий, но это не помогло. От души отвесила оплеуху – впрочем, какое там от души, скорее даже ласково получилось.

– Майло, давай. Приходи в себя! Нам нужно валить отсюда, пока не вернулись эти идиоты. Они, конечно, далеко, но у них тоже может быть автоматическая карта... Кстати, о карте!

А куда она, собственно, делась после того, как мы сюда прибыли? Я встала и огляделась. В темноте на траве карту было не усмотреть, но сейчас стало посветлее. Я обошла поляну, собрала свои артефакты – они были выработаны вчистую, опять придется заряжать – и наконец нашла ее. Скомканный клочок бумажки отнесло к самому дальнему дереву. Я аккуратно, так, чтобы не активировать, взяла ее и сунула в карман.

– Майло, ты еще... – я села рядом с ним на траву. Ноль реакции, почти не дышит. Черт... – Сейчас я попытаюсь отправить нас домой.

И зачем я говорю это вслух?..

Неужто я и впрямь так нервничаю? А ведь действительно, меня до сих пор трясет, хоть схватка и кончилась. И только теперь я заметила, из-за чего.

С Майло явно что-то происходило. Его дыхание совсем замедлилось, но внезапно он глубоко выдохнул, затем изогнулся дугой и глухо застонал.

Сказать, что мне это не понравилось – не сказать ничего. Что же с ним сделала эта тварь?

Стоны продолжились. А потом я вдруг увидела, как под плотной слоновьей кожей Майло заходили туда-сюда все косточки. Захотелось завопить и отползти подальше, но любопытство победило – я смотрела, как замороженная. Все его тело вдруг начало уменьшаться в ширину и расти в длину, все пошло какими-то ужасными буграми – вот это уже выглядело как старомодное уродующее проклятье. Однако дело этим не кончилось. Майло внезапно перевернулся на бок, издал какой-то совсем ужасающий звук – а затем упал обратно на спину и замер. Я отскочила в сторону.

Я с минуту сидела на земле, как клуша, в полном ступоре. Потом собралась и решила аккуратно подползти к нему снова. Смотреть было ужасно страшно и хотелось, как в кино на фильме ужасов, прикрыть глаза рукой.

– Майло? – для храбрости позвала я. Зова особого не получилось, какой-то задушенный стон скорее.

Наконец я решительно нависла над телом. И если это был Майло, то я – инженер-технолог на атомной электростанции.

Человек передо мной был явно моложе Майло лет на десять, то есть примерно моего возраста. И, в отличие от Майло, этот человек не выглядел так, будто его лицо вырубили топором из куска дерева, даже наоборот: нормальный нос, подбородок, светлая кожа с родинками. Вместо невнятной серой щетины, покрывавшей голову Майло – густые рыжие кудрявые волосы.

Странная пульсация энергии в воздухе прекратилась. Я вышла из ступора и сделала первое, что пришло мне в голову. Вскочила и заорала:

– Где Майло, ублюдок? Вставай! – и со всей дури врезала с ноги по ребрам этому субъекту.

Реакция была вполне адекватной: он сложился пополам, закашлялся и предпринял попытку привстать. Воззрился на меня с выражением то ли шока, то ли бешенства, а потом опять завалился на бок и сказал:

– Меня сейчас вырвет.

Я отвернулась.

Дождавшись, пока он закончит все дела и утрется непомерной майкой Майло, я снова спросила:

– Где Майло? Куда ты дел моего напарника? Вообще, ты кто?

Субъект все-таки смог принять практически вертикальное положение – он кое-как сел и ответил, поморщившись:

– Я и есть Майло. А ты, кажется, Хлоя.

Я с размаху села на траву.

– Ты меня совсем за идиотку держишь?

– Да, черт! – неожиданно злобно сказал он. – Меня тут размазывало по грязной траве, потом еще наизнанку вывернуло, а сейчас тошнит так, будто все кишки решили вылезти наружу – и в довершение картины идиотка в кровище выносит мне мозг.

Воцарилась гробовая тишина. Я считала сначала до десяти, потом до двадцати, потом подумала о том, чтобы просто воспользоваться своей автоматической картой и оказаться дома, а оттуда уже позвонить в полицию и в Комитет. И пусть высылают отряды для поисков моего напарника и этих ублюдков, которые сделали с ним какую-то ужасную вещь... Вероятно, убили.

– Отражающаяся на твоём лице напряжённая работа мысли как бы намекает, что ты собралась использовать автоматическую карту, – наконец подал голос лже-Майло.

Пару секунд мы злобно таращились друг на друга.

– Я так и сделаю, если ты сейчас же не подавишь свои приступы тошноты и не скажешь, что за чертова хрень тут творится.

– Я надеялся, что этот разговор произойдет за чаем с печенюшками, ну да ладно, – он поближе подсел ко мне, сохраняя на лице полное тоски выражение. – Майло – это действительно я, у меня нет фамилии, потому что мне лень было её придумывать.

Я возмутилась:

– У Майло есть фамилия! Майло Гнядек!

– Это фамилия? Звучит как кличка для задницы, – он поморщился, – Ну, если бы задницам давали клички. В общем, вышло так, что мне пришлось скрываться от очень злобных ребят. Поэтому мне надо было спрятаться, причем срочно, почему – неважно.

– Как раз важно, – перебила я. – Это то, о чем говорила Верона?

– Я понятия не имею, о чем там говорила Верона. Так вот, то гигантское тело – просто временное вместилище, со своими глюками, тараканами, унылым характером и отвратительными привычками. Не могу также не заметить, что он был ужасным уродом. Короче, на самом деле, Майло – это я, – он с кряхтением поднялся на ноги и стащил с ног огромные растоптанные кроссовки. С ужасом потряс их в воздухе: – И в этом он ходил? Они же воняют, как...

Я схватила кроссовку одной рукой, а второй развернула автоматическую карту. Секунда – и мы были у дверей моей квартиры. Кроссовок остался в моей руке, а вот «Майло» почему-то опять в отрубе валялся на полу.

– Да что ж за день такой! – я открыла дверь и вволокла бессознательное тело в прихожую.

Делать было нечего. Я заперлась, повесила троечку защитных заклятий – прощай, карточка – переступила через тело и пошла в ванную. Вряд ли я буду мыться, пока это нечто находится в моей прихожей. Я посмотрела на себя в зеркало – краше в гроб кладут. Я думала только о том, что мой напарник Майло мертв. Он связался-таки с плохими ребятами, и те отчего-то его убили. Его паршивые ощущения, эта ненормальная Верона... Я больно закусил губу. Все-таки надо было звонить Пройссу.

Я вышла из ванной.

На кухне теперь горел свет.

На столе находилась вся моя еда: сладкое, колбаса, яйца, булки, мамины пирожки, присланные еще на позапрошлой неделе, свиной рулет, вчерашний суп... За столом сидел самозванец и одной рукой держал телефон, а другой увлеченно наворачивал варенье ложкой прямо из банки. Увидев меня, он, не отрываясь от поглощения моей еды, показал большой палец и вернулся к своему разговору:

– Конечно, господин Пройсс. Чем быстрее вы их найдете – тем лучше. Спасибо, конечно.

Я приземлилась на табуретку и уперлась головой в край стола. На самом деле, мне хотелось размеренно об него головой же побиться, но я не могла доставить этому стихийному бедствию с ложкой в руке такого удовольствия.

– И денежная компенсация! И восстановление моего доброго имени! Да, конечно, я согласен поработать на вас. И консультантом тоже. Хлоя? Ну, у нее вид, как будто ее веслом пришибло, а так ничего.

– Дай мне трубку, – прошипела я, не поднимая головы.

– Да, час поздний, я понимаю. Спасибо вам, господин Пройсс! До свидания.

Да, Майло был тупой, а еще отвратительный, как пещерный человек. Но он хотя бы меня слушался и помогал во всем. Неужели вся эта история – правда? Такого просто не может быть.

– От этой твоей карты я чуть дуба не дал. Кстати, классные печеньки, – прокомментировал этот новый Майло, которого мне хотелось спустить в унитаз. – Пройсс обещал мне гору всяких радостей, казино с блек-джеком и пони. Хочешь пони?

– Я хочу, чтобы ты убрался отсюда к чертовой матери, – ответила я, – и перестал переводить мою еду.

– Хм, ну ладно, – он с крайним разочарованием бросил на стол печенье и телефон, причем прямо в сладкий рулет, – Я-то думал, выпьем за знакомство, расскажешь, что тут происходило, а потом перейдем к чему-нибудь более интересному.

Я бы, конечно, ему врезала. Но я слишком устала.

– Вали отсюда! – я вскочила на ноги. – Вон!

– Окей, – сказал Майло. Повернулся ко мне, широко улыбнулся и, в общем-то, исчез.

Вот это уже была штука самого крутого уровня, который мне доводилось видеть. Ни с карточек, ни с законных артефактов нельзя получить такого количества энергии. Это заклинание уровня правительственного мага с многолетним опытом. На такое нужно наработать.

...Нет, ни о каком высококлассном маге по имени Майло, государственном преступнике я никогда не слышала. Я вообще не знала никого с таким именем, кроме Майло Гнядека, моего напарника...

Значит, либо тут все было слишком секретно, и делу просто не дали просочиться, либо все еще запутаннее, чем я думаю.

Я с тоской окинула взглядом свою разнесчастную еду, погрызенные печеньки и надкушенные яблочки. К черту. Я взяла телефон, пошла в спальню и уселась на кровать. А потом просто заснула.

Глава III

С утра самым правильным было бы таки дозвониться до Пройсса и узнать, какой Тени тут вообще произошло. Кто теперь будет моим напарником? Куда делась вся та шайка? Я села на кровати и застонала, вцепившись в волосы.

Фактически, Майло мертв.

Он был отвратительным питекантропом, неповоротливым и глуповатым. Но все же Майло был моим напарником и немного учеником... Другом, в первую очередь. А теперь выясняется, что никакого Майло на самом деле-то и не было. Или... Как быть с его биографией, детством в деревне, колледжем? Ну, начнем с того, что я действительно не видела его детских фотографий. Да и ничего, что было бы связано с его жизнью до приезда в наш город.

О перемещении из тела в тело я слышала. Это крайне сложные заклинания, дозволенные лишь очень талантливым специалистам, работникам федеральной службы безопасности, например. Можно использовать тела недавно умерших, можно создать тело самостоятельно.

Я рассуждала и анализировала, вспоминала и продумывала – все было без толку. Тоска и шок – это все, что я ощущала, и спрятаться от этих чувств было некуда.

– Господин Пройсс? – шеф взял трубку не сразу.

– Хлоя! Я в курсе ситуации, – что мне нравилось в боссе – он сразу брал быка за рога, – Во-первых, успокойся. Во-вторых, это дело уже передано Берлину. В-третьих, этот, эээ, субъект – действительно наш сотрудник. Это он. Он же.

Я зажала пальцем отверстие динамика в телефоне и выругалась.

– Хлоя? Тебя плохо слышно, – взволнованно пробормотал шеф.

– Простите. Я просто...

– Соберись, – веско вставил Пройсс.

– Ну хоть какие-то подробности будут? Вы же понимаете, что все это звучит, как бред.

– Подробности? Пока нет, – после долгого вздоха сказал он. – Наш Комитет явно во что-то вляпался. Пусть тебя утешает то, что не ты одна ничего не понимаешь. Убедительно прошу: не появляйся сегодня в Комитете. Тут и без тебя все на ушах стоят. Завтра будешь отчитываться, а сегодня – отдыхай.

И положил трубку.

Умывшись и вылечив нос (спасибо зачарованному пластырю от MagicAid – уничтожает ссадины и царапины за пару секунд, спрашивайте в магазинах вашего города), я отправилась убираться на кухне. Упаковала все нетронутое в холодильник, а тронутое выкинула в мусорку. Особенно жаль было банки с вареньем – неужто этого идиота никто не учил, что из банки есть нельзя? Все же скиснет. Или маги такого уровня не волнуются по подобным мелочам?

Маги... Те, кто работают с волшебной энергией. Архиваторы и контролеры... Заклинания и заклятья. Тень. Все это так внезапно ворвалось в привычную, стабильную картину мира. Помню среднюю школу и уроки истории. К слову, у нас уже был курс «Основы магии». Примитивные бесплатные заклинания в пластиковых стаканчиках, заряженные ручки, ложки и кристаллики, которых хватало на починку очков – но именно тогда я решила, что стану профессиональным магом.

Я вернулась в свою спальню и привычно провела пальцем по корешкам стоящих на полке книг. Сентиментально, но я все еще хранила свои старые учебники: казенный язык и черно-белые иллюстрации, карандашные пометки на полях – я помнила их все. «Новейшая история магии». Заголовок параграфа «Первый артефакт» я украсила узором из звезд.

Я открыла книгу и вдохнула ее запах, действующий на меня, как валокордин, – мягкий запах старой книги из бабушкиной библиотеки, запах детства. Времени, когда магия оставалась сюрреалистичным набором наклеек на древнем телевизоре («ТелеВолхв», усиленный сигнал

благодаря новейшему заклятию) да маминой магической краской для волос (цвет не смывается пять месяцев!).

«Все случилось из-за астероида, который должен был врезаться в Землю в самом конце девятнадцатого века. Астрономы увидели в телескопы то, что могло стать самым воплощением смерти: огромный кусок космической каменной плоти, которая уничтожила бы все живое на планете», – гласил учебник.

Не было никаких способов остановить астероид и разрушения, если бы не один неизвестный миру старик, живший более семидесяти лет при каком-то храме. Он пришел к газетчикам и рассказал о своей миссии – дескать, при помощи волшебства и заклинаний (которые все принимали за хитрые молитвы) он спасает мир от разных бедствий. Однако в данном случае есть только один способ спасти планету от катастрофы – использовать некий древний артефакт, хранителем которого и является старик. Он показал газетчикам небольшой темно-синий камень, который принес с собой, и сказал, что время пришло.

Конечно, по тем временам старика спокойно могли высмеять, прогнать или попросту посадить в лечебницу. Однако произошла удивительная вещь – газетчики, первыми увидевшие артефакт, отчетливо почувствовали шедшее от него тепло, и это не было трюком – камень оказался особенным, и старик тоже. История быстро стала достоянием общественности, а политики и работники служб государственной безопасности не могли ничего поделать.

Старика отвезли к полигону, где на специальной огороженной территории за экспериментом наблюдали газетчики, ученые и политики. Там он врыл камень в землю, накрыл его рукой и закрыл глаза. Сотни людей наблюдали за происходящим и увидели, как огромный, сверкающий, словно мыльный пузырь, купол накрыл полигон и пополз дальше, разрываясь вихрями и поднимаясь до небес, выше и выше, в космос, дальше Луны и Марса, и в эту же секунду каждый человек в мире ощутил поток неведомой энергии.

Астероид был повержен и превратился в космическую пыль. Важно то, что катастрофы не было, а старик исчез, как будто и не появлялся. Зато в его небольшом храме исследователи нашли книги, где спаситель описывал все, что знает об магической науке, артефактах, как заряжать предметы, как правильно расходовать энергию. И о камне, конечно.

Никто так и не узнал имени того старика.

Никто так и не узнал, как он стал хранителем всех этих знаний.

«Только после того, как камень, или Первый артефакт, был активирован, активизировались и многие другие предметы. Планету, словно куполом, поверх слоев атмосферы накрыл кокон энергии. Накрыл – и проник в каждый город, в каждый дом, в каждого человека» – повествовал мой старенький учебник.

Мир стал миром чудес.

Вот так и началась эра волшебства. Конечно, прокатилась волна войн и революций, небольших крестовых походов и религиозных паник, но в целом все закончилось хорошо. Человечество поняло, что особенные науки – подарок, а не наказание. Технологические провалы стали случаться реже, и прогресс замедлился.

Зато мы можем создавать автоматические карты и самостирающиеся носки, сохранять свои сны, даже немножко летать и чуть-чуть телепортироваться.

Я закрыла старую книжку и поставила ее на полку.

Моя карточка была пуста, и пришлось мыть посуду самостоятельно. Хорошо хоть, что на кофейную чарку наложено долгосрочное заклятие, и кофе варится сам. Я позвонила бабушке (как всегда, на работе) и маме (как всегда, уже ушла из своего гадательного салона и едет в гости), прослушала целую пачку глупых советов, вопросы о том, когда же я уже выйду замуж, в десятке вариаций и монолог на тему погоды в духе готических романов.

С облегчением попрощавшись с мамой, я снова набрала номер Пройсса. Рабочий телефон был отключен – судя по всему, шефа в Комитете нет. Обычный сотовый оказался занят. Я

отправила начальнику несколько гневных сообщений в духе: «Срочно перезвоните, пожалуйста», затем не поленилась и отослала официальное письмо в Комитет и на личную почту босса.

Все это так меня утомило, что я накинула дождевик – за окном опять была невнятная серая морось – и отправилась в «Вавель».

Вообще, мне просто нужно было выпить. Наверное, даже много.

Крокер был за барной стойкой не один. Не особо трезвая молодая леди в черном корсете обвивалась вокруг него, как впопыхах накинутое на вешалку вычурное пальто. Вокруг царил адский шум, посетители сидели друг у друга на головах, и длинные столы трещали под тяжестью огромных блюд и нагромождений блестящих кружек. И все это – в плотном-плотном, как туман, табачном дыме.

– Как ты, Хлоя? – услышала я знакомый голос и тут же ощутила хлопок по плечу.

Ингрид лучезарно улыбалась – она вышла из туалета в обнимку с каким-то шкафообразным мрачным типом.

– Отвратительно.

– Что случилось?

– Отцепи своего вертикального цербера, и я расскажу, – косясь на кавалера подруги, заявила я.

Ингрид что-то шепнула спутнику, и мы с ней отошли в угол у барной стойки.

– Мне под дверь подкинули письмо, оказавшееся автоматической картой, – шепнула я. Подруга приподняла брови и наклонилась ближе. – Я была с Майло, и нас телепортировало в лес, где случилась неплохая драка...

– Что? – Ингрид отшатнулась, – Пройсс в курсе?

Музыка в баре стала громче, и я, чувствуя себя полной дурой, заорала Хвальковска на ухо:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.